

ВАДИМ НИКОЛАЕВ

БОГАТЫРСКАЯ
ДРУЖИНА МОНОМАХА.
РУСЬ В ОГНЕ!

Вадим Данилович Николаев Богатырская дружина Мономаха. Русь в огне! Серия «Русь изначальная»

Текст предоставлен издательством

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=7158776

*Вадим Николаев. Богатырская дружина Мономаха. Русь в огне!: Якуза;
Москва; 2014*

ISBN 978-5-699-69594-2

Аннотация

На самом деле, Илья Муромец, Добрыня Никитич и Алеша Попович были не легендарными героями, а вполне реальными дружинниками князя Владимира Мономаха, и в действительности всё происходило совсем не так, как в былинах. Этот исторический роман делает сказку былью, превращая миф в живую историю. Русские богатыри здесь показаны не сказочными персонажами «без страха и упрека», а людьми из плоти и крови, которые любят и ненавидят, ссорятся и мирятся, совершают не только подвиги, но и грехи. Они сражаются не с мифическими чудовищами, а с реальными врагами Русской Земли – не брезгуя, впрочем, участвовать и в кровавых княжеских междоусобицах...

Книга воскрешает «прекрасный и яростный мир» наших воинственных предков, которые жили и умирали так, что о них

слагали былины, и вписали свою имена «железом и кровью» не только в историю, но и в народный эпос.

Содержание

Часть I	7
Как делают великих князей	7
Изгой	14
Половцы	25
Стугна	30
Торческ	34
Марджана	37
Мстислав	41
Любава	53
Кристина	67
Чернигов	69
Три богатыря	74
Послы	76
Возвращение Чернигова	85
Поход	88
Боняк	95
Крестный отец и крестный сын	98
Конец ознакомительного фрагмента.	101

Вадим Николаев

Богатырская дружина Мономаха. Русь в огне!

Посвящается памяти *Бориса Александровича Рыбакова*

Какие искривленные, глухие, узкие, непроходимые, заносящие в сторону дороги избирало человечество, стремясь достигнуть вечной истины, тогда как перед ним весь был открыт прямой путь, подобный пути, ведущему к великолепной храмине, назначенной царю в чертоги. Всех других путей шире и роскошнее он, озаренный солнцем и освещенный всю ночь огнями; но мимо него в глухой темноте текли люди. И сколько раз, уже наведенные нисходящим с небес смыслом, они и тут умели отшатнуться и сбиться в сторону, умели среди бела дня попасть вновь в непроходимые захолустья, умели напустить вновь слепой туман друг другу в очи и, влачась вслед за болотными огнями, умели-таки добраться до пропасти, чтобы потом с ужасом спросить друг друга: где выход, где дорога? Видит теперь все ясно текущее поколение, дивится заблуждениям, смеется над неразумием своих предков, не зря, что небесным огнем исчерчена сия летопись, что кричит в ней каждая буква, что отсюда устремлен пронзительный перст на него

же, на него, на текущее поколение, но смеется текущее поколение и самонадеянно, гордо начинает ряд новых заблуждений, над которыми также потом посмеются потомки.

Н. В. Гоголь, «Мертвые души»

Часть I

Одиннадцатый век

Как делают великих князей

Тринадцатого апреля 1093-го, или по тогдашнему летоисчислению 6601 года, великий киевский князь Всеволод Ярославич, много и долго болевший, наконец преставился.

На следующий день в одном из залов княжеского дворца сидели трое мужчин. Точнее говоря, мужчинами можно было назвать только двоих из них – черниговского князя Владимира, прозванного Мономахом (Единоборцем) по имени его деда, ромейского (византийского) императора Константина Мономаха, и еще его родного брата, переяславского князя Ростислава. Оба они были сыновьями покойного Всеволода. Третий, новгородский князь Мстислав, старший сын Мономаха, был юношей почти семнадцати лет.

Каштановые кудри Мономаха, не закрывавшие его высокий лоб (унаследованный и старшим сыном), светились, как красное солнце, рядом с русоволосыми Ростиславом и Мстиславом. Князь был невысок ростом, но отличался крепким и большим телом.

– Что ты беспокоишься, брат?! – горячо говорил Ростис-

слав. – Святополк у себя в Турове, а ты здесь, в Киеве. Кому, как не тебе, быть великим князем?

– Изяслав, отец Святополка, был старше нашего отца, – возразил Мономах. – Что, если Святополк затеет усобицу?

– Какая усобица, брат?! – воскликнул Ростислав. – В наших руках – все дружины Левобережья, а у Святополка только семьсот собственных отроков. Кто он есть против нас? И разве Владимир Святой не был лишь побочным сыном?

Мстислав молчал, внимательно слушая, что говорят отец и дядя. Он всей душой желал, чтобы отец, с которым его связывала крепкая мужская дружба (хотя виделись они не так уж часто), стал великим князем.

Братья еще немного поговорили, после чего отправились в собор святой Софии на погребение Всеволода.

Вечером этого дня в доме боярина Яна Вышатича (того самого, который много лет назад подавил восстание волхвов) собрались виднейшие бояре Киева.

– Все мы знаем, – говорил Ян Вышатич, седобородый старик, – какое воровство творилось при Всеволоде. А князь, будучи болен, и не подозревал об этом.

– Но Мономах не Всеволод, – заметил кто-то из бояр. – Он не потерпит воровства.

– Мономах еще хуже, – решительно сказал Вышатич. – Я знаю, что он из себя представляет. Он захочет полной власти над всеми нами. Разве такой великий князь нам нужен? Нам нужен князь, который был бы нам всем обязан, и такой князь

есть.

– Кто же это? – спросили Вышатича.

– Тот, кто и должен стать великим князем по лествичному порядку. У Ярослава Мудрого было три сына – Изяслав, Святослав и Всеволод. То есть, конечно, было больше, но я говорю о главных. Святослав, хоть и был средним сыном, выгнал Изяслава из Киева и незаконно княжил целых три года. Только его смерть восстановила порядок. Князем снова стал Изяслав и правил два года, вплоть до битвы на Нежатиной Ниве, где он был убит. Ему наследовал Всеволод как последний из сыновей...

– Что ты нам это говоришь? – нетерпеливо перебил молодой боярин. – Мы и так это прекрасно помним.

– Всегда полезно вспомнить прошлое, – мудрым голосом заметил Вышатич и добавил: – Кто не помнит прошлого, у того и будущего быть не может. Итак, Изяславу наследовал Всеволод. Но теперь, когда Всеволод мертв, разве не Святополк, старший сын Изяслава, должен стать великим князем? Ведь лествичный порядок состоит, как известно, в том, что после смерти великого князя ему наследует ближайший из его братьев. И это разумно, что наследует брат, а не сын, потому что дядя, конечно, опытнее племянника. Но когда братьев больше не осталось, престол должен получить сын самого старшего брата. В нашем случае это Святополк.

– Какой-то жалкий князь из Турова, которого пять лет назад изгнали новгородцы? – скептически спросил все тот же

молодой боярин.

– Вот именно! – воскликнул Вышатич. – Каково ему будет сразу после Турова получить киевский золотой престол? Разве он не будет благодарен нам по гроб жизни?

Решено было немедленно отправить гонца в Туров с известием о смерти Всеволода и с приглашением на великое княжение. Гонцу велено было гнать во весь опор, не щадя лошадей. По расчетам Вышатича двадцать четвертого, в день Антипасхи, Святополк должен был быть в Киеве.

На следующий день у Мономаха состоялась беседа с Вышатичем. Мономах тщательно готовился к ней, понимая, что без поддержки киевского боярства великим князем ему никогда не стать.

– Мы готовы, Владимир Всеволодович, признать тебя великим князем, – начал Вышатич, – но нам нужны определенные обязательства.

– Какие? – спросил Мономах.

– Воровство, творившееся при твоём отце, должно быть прекращено. Я не виню покойного князя, боже упаси, – он был болен и ничего не знал. Но теперь виновные должны быть наказаны, а деньги возвращены в казну.

– Я бы сделал это и без твоего совета, – твердо сказал Мономах.

– Все ложные пени со стороны княжеских судей и сборщиков должны быть отменены, – продолжал Вышатич.

Мономах молча кивнул.

«Они хотят сделать меня боярским князем, – подумал Мономах. – Что же, пусть лишь введут меня в собор святой Софии, а там все равно все будет по-моему».

– Я согласен, – ответил Мономах.

– И ты готов целовать крест святой?

– Да, готов. – Тут же это было проделано.

– Теперь, – сказал Мономах, – я хотел бы спросить: сколько мне еще ждать?

– Дней девять-десять. Я верю тебе, князь Владимир, но не все бояре так к тебе расположены. Я должен уговорить их.

На этом они и разошлись. Мономах доверял Вышатичу не больше, чем тот ему, но думал, что поединок он выиграл.

Между тем происходящее живо обсуждалось в народе. Всеволода ремесленники не то чтобы не любили, но, во всяком случае, не уважали и норовили рассказывать о больном князе веселые байки, высмеивавшие его старческое слабоумие. Все были недовольны воровством и непомерными поборами, все жаждали перемен.

Мономах был для них только сыном своего отца, и видеть князем его никто не хотел. Однако его княжение казалось делом неизбежным.

Тем временем приближался день Антипасхи. Когда Святополк прислал к Вышатичу гонца с посланием о том, что стоит под Киевом и готовится к торжественному въезду в город, Вышатич начал действовать. Его люди распространяли по городу слухи о том, что в Киев въезжает Святополк Изя-

славич. Народ оживился: в никому не известном Святополке видели долгожданного избавителя, при котором наступит хорошая жизнь.

Двадцать четвертого апреля, как и было рассчитано, Святополк, высокий и худой, въехал в стольный град. Ремесленники встречали его с радостью; особенно покори́л туровский князь всех тем, что несколько раз приостанавливал коня и заговаривал с простыми людьми.

Мономах, Ростислав и Мстислав, оповещенные о случившемся, поехали к Софийскому собору встречать Святополка. Мономах проклинал себя за то, что поверил старой лилице Вышатичу и не ввел в город дружины Левобережья.

– Нас коварно обманули, брат, – говорил ему Ростислав. – Но сила по-прежнему на нашей стороне. Мы должны начать усобицу.

Мономаху очень хотелось последовать совету Ростислава, но тогда он, и без того непопулярный, выглядел бы в глазах народа зачинщиком смуты, а этого он не желал.

И он отрицательно покачал головой.

Между тем к собору подъехал Святополк со своей свитой. Два будущих соперника, давно уже не видевшие друг друга, стали лицом к лицу.

Первым заговорил Мономах:

– Приветствую тебя, Святополк Изяславич. Садись на престол отца моего, ибо прежде это был престол твоего отца.

Мономах, как видим, умел держать удар.

– Приветствую и я тебя, Владимир Всеволодович, – елейным голосом отвечал Святополк. – Ценю твое миролюбие и дружбу и торжественно клянусь отвечать тебе тем же.

Князя, бояре и дружинники спешили и пошли в собор. Мономах и Мстислав чуть задержались.

– Как же так, отец? – спросил Мстислав, чуть не плача. – Ведь великим князем должен был стать ты.

– Стало быть, так угодно Богу, сынок, – ответил Мономах, потрепав Мстислава по русым волосам. – И потом, – добавил он чуть погодя, – наше дело еще не проиграно.

Святополк был торжественно введен в Софийский собор, и все, включая Мономаха, принесли ему присягу верности.

– Ты – князь наш, где увидим твой стяг, там и будем с тобой! – выкрикнул кто-то из великокняжеских дружинников.

Никто не знал, что для Руси наступают двадцать тяжелых лет.

Изгой

В те времена окрестности Тьмутаракани, самого дальнего города Киевской Руси, кишели шайками разбойников. Одна из таких шаек ночью поджидала того, кто осмелился бы в поздний час проехать по дороге, ведущей в город.

Наконец на дороге показались два всадника. Оба они были высоки и широки в плечах, особенно тот, что ехал слева. Завидев разбойников, он наклонился к своему спутнику:

– Ну что, Борей, боишься?

– Я ничего не боюсь, князь, – спокойно ответил тот.

Всадники поравнялись с разбойниками.

– Здорово, добры молодцы! – приветствовал их атаман. – Сами отдадите добро или помочь?

– А вы, братцы, знаете, кто я такой? – вопросом ответил всадник, ехавший слева.

– Уж не великий ли князь? – ехидно спросил кто-то.

– А ты не так далек от правды, – серьезно ответил всадник. – Я князь Олег Святославич, и это я должен сейчас сидеть на киевском златом престоле.

– Да что ты врешь?! – возмутился атаман. – Всякому известно, что князь Олег в плену у греков.

– Как видишь, уже не в плену, – сказал всадник.

Тут только разбойники обратили внимание на то, что у всадника не было бороды, а были одни лишь светлые густые

усы. Такие же усы (и тоже без бороды) носил, по слухам, покойный князь Святослав.

– Допустим, что ты Олег Святославич, – вступил в разговор тот разбойник, которого считали самым умным и который был правой рукой атамана. – Но разве не Изяслав был старшим из сыновей Ярослава? Вот потому-то его сын Святополк и стал великим князем. Сам Мономах, сын Всеволода, добровольно уступил ему княжение.

Даже здесь, в Тьмутаракани, знали уже о смене князя.

– Мой отец Святослав отнял престол у Изяслава не просто так, а потому что имел бумагу от Ярослава Мудрого, где тот завещал киевский престол ему как самому смышленому из своих сыновей.

– Почему же он ждал так долго? – поинтересовался разбойник. – Изяслав правил в Киеве целых девятнадцать лет, пока Святослав не сверг его.

– Мой отец надеялся уговорить Изяслава, хотел, чтобы тот миром отдал ему власть, – сказал Олег. – Уговоры не подействовали, и отец, не желая смуты, уступил. Больше того, он помогал ему, составил вместе с ним и Всеволодом «Правду» Русской земли. Но Изяслав мало прислушивался к его советам. Из-за него мы проиграли половецкому хану Шарукану битву на реке Альте. И тут же случилось восстание в Киеве. Изяслав и Всеволод позорно бежали из стольного града, а народ провозгласил князем язычника Всеслава Полоцкого. Конечно, потом власть Изяслава восстановилась – при помощи

польского войска, но он был бездарным князем, это все видели. И тогда, еще через пять лет, мой отец, поддержанный Всеволодом, сверг Изяслава. Наконец-то Русь получила достойного князя. Моего отца прославлял в своих песнях сам великий Боян. Жаль, что правил отец недолго, – всего три года. Если бы с самого начала выполнили завещание Ярослава, все было бы иначе.

Насчет завещания Олег врал, но эта ложь была хорошо продумана.

Его рассказ произвел на разбойников впечатление, однако умный разбойник не унимался:

– Тебе-то ведь никто ничего не завещал. По какому же праву ты требуешь себе киевский престол?

– Меня поддерживает сам император Алексей Комнин.

– Которому ты продал Русь за власть в Киеве?

– Отчего же? Русь заинтересована в хороших отношениях с греками.

Олег умолчал о том, что в случае прихода к власти с помощью ромейского императора обещал принести тому вассальную присягу. Ради власти он был готов на все.

– И что же, ты собираешься идти на Киев? – ехидно спросил атаман. – Вдвоем со своим слугой?

– А что, Борей, возьмем мы с тобой вдвоем Киев? – весело спросил Олег.

– Отчего же не взять, князь, возьмем, – совершенно серьезно сказал Борей.

Разбойники захохотали.

– Это, конечно, шутка, – пояснил Олег. – У нас пока цель поскромнее – взять Тьмутаракань.

Наступило молчание. Разбойники напряженно обдумывали предложение Олега, казавшееся им вполне серьезным. Ведь Тьмутаракань, которой сейчас владел князь Давыд Игоревич, переходила из рук в руки, как уличная девка. Почему же Олег Святославич (а в том, что перед ними не обманщик, они уже не сомневались), человек, судя по всему, бесстрашный и бесшабашный, не сможет завладеть ею? Ему надо лишь набрать большое войско, а разбойников вокруг города, с которыми они поддерживали самые тесные связи, было, как уже говорилось, очень много.

До сих пор они грабили на больших дорогах, а тут им предлагалось серьезное дело. И кто знает, не войдут ли они в случае успеха в дружину этого родовитого князя, претендующего к тому же на киевский престол и похваляющегося поддержкой ромейского императора?

– Ну как, други, – спросил Олег, – согласны вы помочь мне?

– Согласны, – ответил за всех атаман, и все остальные в едином порыве вскинули руки вверх.

– Много ли вы знаете таких, как вы?

– Достаточно, – сказал атаман.

– Способны ли вы набрать для меня большое войско?

– Способны.

– И как скоро?

– За сколько дней Бог сотворил мир? – снова вступил в разговор умный разбойник.

– Известно за сколько, – произнес Борей. – За шесть. А на седьмой отдыхал.

– Так вот, – теперь уже говорил атаман, – мы тоже постараемся уложиться в шесть. Но на седьмой отдыхать не будем, а пойдем брать город.

– Хорошо, – отозвался Олег. – Действуйте. Только действуйте осторожно. В городе ничего не должны знать, чтобы они не успели подготовиться к обороне.

Атаман кивнул.

– Что же, в добрый час, – подытожил Олег. – А мы с Бореем пока найдем приют в какой-нибудь веси и будем ждать. Обещаю вам, что не забуду этой случайной встречи на дороге. Если дело удастся, все войдете в мою дружину.

Разбойники возликовали.

Князь Олег Святославич, только что появившийся на страницах нашего романа, был весьма примечательной фигурой. В молодости он был дружен со своим двоюродным братом Владимиром Мономахом. Дружба эта началась в 1076 году, еще при жизни Олегова отца, когда оба родича были посланы в Польшу воевать против чешского короля Вратислава. Она оказалась настолько крепкой, что Мономах предложил Олегу стать крестным отцом своего первен-

ца Мстислава, и Олег охотно согласился.

Когда они делили тысячу гривен, взятых у чехов как дань, Мономах во избежание лишних споров предложил поделить деньги по-братски.

– Лучше всегда все делить поровну, – говорил он, – а не считать, кто сделал больше, а кто – меньше.

Олег не возражал.

Затем Олег жил в Чернигове, при дворе своего дяди Всеволода, бывшего тогда местным князем. Никто не знал, что Олег лелеет честолюбивые планы. Он вступил в тайные сношения с другим своим двоюродным братом, Борисом Вячеславичем, который в 1077 году с боем взял Чернигов, однако продержался там всего лишь восемь дней. В следующем, 1078 году Олег неожиданно бежал из Чернигова в Тьмутаракань, где его ждали Борис Вячеславич вместе с родным братом Олега Романом. Главой собранного войска единодушно был признан Олег, как старший сын человека, еще совсем недавно княжившего в Киеве. Поскольку русских воинов катастрофически не хватало, за помощью не побрезговали обратиться к половцам.

Началось все для мятежников более чем удачно. Разбив войска Всеволода на Сожице, неблагодарный Олег со своими половцами вступил в Чернигов и правил им тридцать девять дней. Свою неслыханную дерзость он обосновывал тем, что его отец Святослав княжил в Чернигове раньше Всеволода. Он набирал (в основном из тех же половцев) новое попол-

нение, готовясь к походу на Киев и уже тогда мечтая о киевском престоле.

Но изгнанный из Чернигова Всеволод обратился за помощью к брату, великому князю Изяславу. Хотя отношения между братьями изрядно охладели после участия Всеволода в заговоре Олегова отца Святослава, Изяслав согласился помочь – не из любви к брату, а из опасений за собственную власть. Олега, считал он, надо было остановить, пока тот не собрал слишком большое войско.

Третьего октября 1078 года состоялась знаменитая битва на Нежатиной Ниве, в которой пал великий князь Изяслав, а со стороны мятежников погиб Борис Вячеславич. Битву мятежники проиграли, и Всеволод стал новым великим князем. Олег отступил обратно в Чернигов, но вскоре в город вошел Мономах, которому отец отдал свое бывшее княжество. Старый друг и кум, располагавший большими силами, изгнал Олега из города, и тот вывел остатки некогда могучего войска через Восточные ворота.

Далее войско Олега распалось на разрозненные дружины, бежавшие в степь по направлению к Тьмутаракани. Одной из этих дружин руководил его брат Роман, красавец, любимец женщин. В черный для Олега день князю сообщили, что брат убит половцами, а труп его брошен на съедение диким зверям. Никто не знал, где лежит труп, и Олег не мог даже похоронить брата. Он не сомневался, что половцы были подкуплены Всеволодом (хотя это было не так, и Роман сам был ви-

новат в своей смерти, проявив излишнюю горячность). Олег поклялся отомстить ненавистному дяде.

В дороге воины умирали от нехватки еды и разных болезней, и в Тьмутаракань Олег явился лишь с горсткой людей. Там его взяли в плен хазары и продали ромейцам. Он и это, обезумев от ненависти, приписывал козням Всеволода.

Более двух лет Олег томился в заключении на острове Родос. От своих стражников он, быстро выучивший греческий язык, знал, что в Киев направлено послание с требованием выкупа. Но Всеволод, разумеется, не собирался платить никакого выкупа за изменника.

Все внезапно изменилось в 1081 году, когда великий деспот Алексей Комнин сместил императора Никифора III и вынудил того постричься в монахи. Алексей не считал себя узурпатором, поскольку его дядя Исаак в пятидесятые годы уже правил Ромеей.

Олег сразу же был приглашен ко двору, и новый император принял его с большим радушием. Русский архонт, как его здесь называли, женился на знатной ромейке Феофании Музалон. Она, правда, вскоре умерла из-за неудачных родов, но свершилось главное – Олег стал для ромейцев своим.

Он все меньше думал о далекой Руси, пировал, наслаждался прекрасными телами ромейских женщин. Император Алексей часто принимал его наедине, они много и подолгу беседовали. Никогда еще Олег не был так счастлив, как в эти ромейские годы.

Но по прошествии двенадцати лет все закончилось так же неожиданно, как и началось. Император пригласил Олега к себе, и Олег пошел, как ходил обычно, никак не ожидая, что эта встреча будет последней.

Он сразу же заметил, что Алексей, обычно приветливый и улыбочивый, на этот раз серьезен и сосредоточен.

– Архонт Олег, – начал император, – беседы с тобой всегда доставляли мне истинное удовольствие. Я чтил и чту твою дружбу. Но я – правитель и обязан даже в часы досуга думать о благе государства. У меня на тебя были и остаются определенные виды. До сих пор не время было для осуществления моих замыслов, но сейчас все изменилось.

– Что же произошло? – спросил Олег, теряясь в догадках.

– Умер великий киевский князь Всеволод.

Даже чувственные наслаждения не доставляли Олегу такой острой радости, как та, которую он испытал, узнав о гибели ненавистного врага. Только одно омрачало его радость – то, что он так и не успел отомстить Всеволоду.

– Кто стал новым князем? – спросил Олег, не сомневаясь в ответе.

Однако ответ был совсем не таким, какого он ожидал:

– Князем стал Святополк, сын Изяслава. Говорят, будто бы Владимир Мономах добровольно уступил ему власть, соблюдая закон старшинства. Но я в это не верю. Здесь ясно видны козни киевской знати. Теперь на Руси неизбежна смута. Она может начаться не сразу, чуть позже, но она неиз-

бежна. И вот тут-то пробил твой час, архонт Олег. Ты должен ехать на Русь и попытаться стать великим князем. Я со своей стороны готов поддержать тебя своим войском.

– На каких условиях? – спросил Олег, понимая, что задаром такая помощь не оказывается.

– Русь должна стать областью Ромеи. Это то, что касается политики. А вот то, что касается веры. Киево-Печерская лавра, враждующая с нашим митрополитом, должна быть упразднена.

Олег согласился не раздумывая. Сумасшедшая жажда власти, казалось бы, угасшая в нем за долгие годы праздности и удовольствий, вновь пробудилась с неистовой силой.

Довольно быстро они обговорили план действий, а на следующий день ромейский корабль уже вез Олега вместе с верным слугой Бореєм по Понту Евксинскому к Тьмутаракани.

План, разработанный императором Алексеем и Олегом, был четок и ясен. Сначала Олег, набрав себе войско, берет Тьмутаракань и закрепляется там. Затем, выждав какое-то время, он при помощи половцев отбирает у Мономаха, ставшего после смерти Всеволода главным его врагом, Чернигов. И наконец, на последнем этапе в дело вступает ромейское войско, совместно с которым Олег берет Киев и захватывает власть на Руси.

Атаман сдержал свое слово, и уже вечером следующего дня Олег Святославич проводил смотр войска. Смотров он остался вполне доволен.

Потом, на рассвете, вооруженные до зубов разбойники на конях окружили Тьмутаракань. Город, где, как в библейском Вавилоне, смешались чуть ли не все наречия и народности, не был готов к внезапному штурму и сдался без боя.

Олег жестоко отомстил хазарам за давнишний плен. Он забыл о том, что несчастье помогло счастью и что, если бы не этот плен, он бы никогда не сблизился с императором Алексеем. Он помнил только о нанесенной ему обиде, и по его приказу все жившие в городе хазары были вырезаны до единого человека.

Князь Давыд Игоревич в панике бежал. С горя он стал разбойничать на море и почти полностью ограбил купцов в устье Днепра.

Половцы

Вскоре после прихода Святополка к власти в Киев явилось половецкое посольство. Все прекрасно помнили, как в прошлом, засушливом году половцы штурмовали пограничную линию на реке Суле и захватили русские села на обоих берегах Днепра.

Однако на этот раз половцы, узнавшие о смерти Всеволода, пришли с миром. Но Святополк не стал ни разбираться в этом, ни слушать чьи-то советы. Он давно уже лелеял мысль о том, чтобы разогнать старую дружину и заменить ее людьми, преданными только ему. Боярам подчиняться он тоже не собирался, так что расчеты мудрого Вышатича не оправдались. Святополк, как и Мономах, хотел править сам, но, в отличие от последнего, не отличался большим умом.

Потому-то он и запер половецкое посольство в избе. Половцы были враги, они явно готовили какой-то коварный план, и их следовало изолировать. На более глубокие расуждения Святополк не был способен.

Половцы, узнав об оскорблении, нанесенном их посольству, стали собирать войско.

В Киеве же были заняты совсем другими делами. Святополк увлекся заменой дружины и подбирал новых людей – в основном известных ему по Турову.

В эти дни к нему во дворец явился Вышатич. У Свято-

полка не было никакого желания говорить с тем, но отказать влиятельному боярину он не мог – это было бы слишком.

– Что ты творишь, князь Святополк? – с самого порога начал Вышатич. – Гонишь старшую дружину и приближаешь своих?

– Я князь. Что хочу, то и делаю. А хочу я, чтобы мне служили верные люди.

– За любую верность надо платить, – заметил Вышатич. – Ты знаешь притчу о прикованном к столбу рабе и о сердобольном прохожем?

– Нет, не знаю. Расскажи, – благодушно предложил Святополк. Слушать притчи он любил.

– Один раб, провинившийся перед своим хозяином, был за то прикован им к столбу, – начал Вышатич. – Раб был наг, в одной лишь повязке, препоясавшей чресла. Было жарко, его кусали мухи, слепни и оводы. Шедший мимо прохожий сжалился над ним и отогнал насекомых. «Что ты наделал? – вскричал раб. – Эти уже наелись, они кусали немного, я к ним привык. А сейчас налетят новые, голодные, они закусуют меня до смерти».

– Пусть мои слуги кусают Русь, как слепни и оводы, – отвечал Святополк. – Пусть медовуха и брага текут у них по усам и попадают в рот, лишь бы они верно служили мне.

– И бояр ты слушать тоже не собираешься?

– Негоже великому князю слушать бояр.

– Неблагодарный! – вскричал Вышатич. – Или ты забыл,

что это мы сделали тебя великим князем?

– Великим князем меня сделал лествичный порядок, – невозмутимо сказал Святополк.

– Ты, князь, дурак или глумишься надо мной? – возмутился Вышатич. – Неужто ты не понимаешь, что, не будь моей хитрости, Мономах захватил бы киевский престол?

– Что было, то прошло, – невозмутимо произнес Святополк.

Взбешенный Вышатич вышел из тронной залы, не прощаясь и проклиная себя за жестокую ошибку.

Тем временем в Киев пришло известие о том, что множество половцев осадили город Торческ. Святополк немедленно отпустил запертых послов, но было уже поздно: половцы больше не хотели мира, они хотели войны.

Святополк тоже стал готовиться к войне, тем более что новые дружинники жаждали испытать себя в деле. «Иди, князь», – говорили они едва ли не в один голос.

И снова к Святополку явился Вышатич.

– Не вздумай ходить против них, – предостерег он князя. – Мало у тебя воинов.

– У меня семьсот воинов, – возразил Святополк. – Они могут им противостоять.

– Если бы ты выставил хоть семь тысяч, и то было бы худо, – заметил Вышатич. – Земля наша оскудела от войн. Надо искать мира.

– Мира? – повторил Святополк, сам же этот мир загубивший. – А может быть, ты посоветуешь ждать, пока они возьмут Торческ? И после другие города?

– Раз уж непременно желаешь воевать, – сказал Вышатич после паузы, – пошли к брату своему Владимиру. Он поможет тебе.

Вышатич не любил их обоих, но сейчас он думал об опасности, грозившей Русской земле.

Этому совету Святополк внял, поразмыслив, что семиста отроков все-таки недостаточно. Мономах, получив послание, начал спешно собирать воинов, а одновременно написал брату Ростиславу и сыну Мстиславу, чтобы те готовились к битве с половцами.

Когда все трое прибыли в Киев, то встретились со Святополком в монастыре святого Михаила. Был при их встрече и Вышатич.

– Ну что, Святополк Изяславич, – ехидно сказал Мономах, – вольно тебе было запирать половецких послов в избе? Половцы шли на Русь с миром, а благодаря тебе идут теперь с войной.

– Издевайся, Владимир Всеволодович, издевайся, – не полез за словом в карман Святополк. – Я ведь знаю, что не по доброй воле ты уступил мне киевский престол. И представляю, как грызет тебя зависть. Да только ничего теперь не поделаешь. Править мне Киевом до самой смерти.

– Скорей бы эта смерть наступила! – воскликнул Ростис-

слав, поразив даже старшего брата.

– Значит, распри ведете между собой?! – вмешался в разговор разъяренный Вышатич. – А поганые губят Русскую землю. После разберетесь, а сейчас немедленно отправляйтесь навстречу поганым – либо с миром, либо с войною.

– В самом деле, – спокойно сказал Мономах, – оставим распри. Войска готовы, двинемся же в путь.

Они со Святополком поцеловали друг другу кресты.

Стугна

Двадцать шестого мая киевские войска встали на берегу реки Стугны. На другом берегу стояло половецкое войско со стрельцами в первых рядах. Во главе его был сам Тугор-хан, вошедший в русские былины как Тугарин Змеевич.

Князья совещались с дружинниками.

– Пока стоим за рекой, – предложил Мономах, – заключим мир с ними.

Он был тут же поддержан Ростиславом, Мстиславом и дружинами всех троих. Будь здесь Вышатич, он бы, без сомнения, тоже высказался за.

Но молодая киевская дружина хотела войны.

– Хотим биться, – сказал один.

– Перейдем на другую сторону реки, – вторил другой.

– Дело говорите, – кивнул Святополк.

Спорить с великим князем и начальником войска было бессмысленно.

Они стали переходить через Стугну. Вода сильно вздулась, и Мономах подумал о том, что это плохая примета.

Они миновали город Треполь и, став между валами, поставили стяги. Стрельцы, готовясь к бою, выдвинулись вперед. Половцы, подойдя близко к валу, тоже поставили свои стяги, и наконец, после всех этих приготовлений, оба войска ринулись друг на друга.

Святополк шел справа, Мономах и Мстислав – слева, а в центре был Ростислав. Тугор-хан удачно почувствовал самое слабое место и ударил по Святополку. Храбрецы из его дружины бежали почти сразу. Бежал и сам Святополк, запершись в Треполе.

Расправившись с правым крылом, половцы навалились всеми силами на остальных. Тут они нашли гораздо более мужественных противников, и сражение было жарким, но в конце концов Мономах с родичами тоже вынуждены были бежать.

Добравшись до Стугны, Мономах и Ростислав, оба потерявшие в бою коней, решили перейти реку вброд. Однако Ростислав выбрал неверный путь, и его подхватило сильное течение. Мономах бросился на помощь к брату, но едва не утонул сам и был отнесен течением в сторону. Добравшись до другого берега, он тупо стоял там до тех пор, пока волны не прибили к его ногам тело Ростислава. Он вытащил брата на берег, пытался сделать все, что возможно в таких случаях, но это было тщетно.

Кто-то тронул его за плечо. Он обернулся и увидел Мстислава, которого потерял из виду еще во время боя.

– Сынок, – прошептал Мономах, обнимая его, – живой, ты живой.

– И ты жив, отец, – сказал Мстислав. – Благодарение Богу! Потом оба они молча стояли над телом Ростислава.

Неожиданно Мономах в несвойственном для него страст-

ном порыве упал на колени и, подняв глаза к небу, воскликнул:

– Господи, об одном молю: дай мне отмстить половцам и дай мне покарать Святополка, виновника этого позора и убийцу моего брата!

Мстислав же начал тихо молиться за душу погибшего дяди.

Только одно могло как-то утешить Мономаха, если бы он об этом знал: это было его первое и последнее поражение в бою за всю жизнь.

Половцы, убедившись в полной победе, начали грабить окрестности. Часть их направилась к Торческу, осада которого была ослаблена Тугор-ханом из-за битвы на Стугне.

Когда совсем стемнело, Святополк, в сопровождении всего лишь двух спутников, поскакал в Киев. Прибыл он туда утром и сразу же увидел гроб, за которым шло множество людей. Это хоронили Яна Вышатича, не пережившего известия о разгроме.

На следующий день были другие похороны – хоронили Ростислава. Мстислав немного отстал и теперь нагонял идущих. Неожиданно он услышал сзади такие слова:

– Ну и дела! Утоп, а хоронят как героя.

Мстислав резко обернулся. Этого человека он помнил в лицо. То был один из молодых дружинников Святополка, который рьяно настаивал на битве, а потом в числе первых бе-

жал с поля боя. Мстислав не сдержался и ударил мерзавца по лицу рукояткой меча.

Ростислав был торжественно погребен в Софийском соборе рядом со своим отцом Всеволодом Ярославичем.

Торческ

Половцы продолжали осаждать Торческ. Торки храбро сопротивлялись и убили многих своих врагов. Тогда Тугор-хан усилил осаду; к тому же половцам удалось отвести от города воду. Изнемогая от голода и жажды, люди послали к Святополку, сообщая, что, если он не пришлет им еды, они вынуждены будут сдаться.

Святополк прислал еду, но из-за множества половецких воинов пробраться в город не было никакой возможности.

Тем временем половцы разделились надвое: половина осталась осаждать Торческ, а другая половина двинулась к Киеву, совершив набег в местах между Киевом и Вышгородом.

Святополк, узнав, что половцы подошли почти к самому стольному граду, и зная к тому же, что в набеге участвует только половина половецкого войска, решил, что пробил час для мести за Треполь. Уверенный в успехе и не желавший делить с Мономахом славу, он не счел нужным просить того о помощи.

Двадцать третьего июля он настиг врага на реке Желань. Но мести не получилось, получился новый позор. Снова русские войска бежали, а убитых было еще больше, чем при Треполе.

Назавтра, в день святых мучеников Бориса и Глеба, грек-

митрополит по-русски проповедовал в Софийском соборе.

– Да, это Бог пустил на нас поганых, – говорил он. – Но не их он милует, ибо не может Бог миловать поганых, а нас наказывает, чтобы опомнились мы и удержались от злых дел. Вот почему плачем мы в новый праздник земли Русской.

Закончил он свою проповедь словами:

– Да не посмеет никто сказать, что ненавидит нас Бог! Потому и проявил Он к нам ярость, что больше всех мы почтены им были, но горше всех совершили грехи. Вот и я, грешный, часто Бога гневаю!

– А это, пожалуй, верно, – сказал шепотом один монах Киево-Печерской лавры другому.

– Что, не понравилась проповедь? – ехидно осведомился его собеседник.

– Да полная чушь и словоблудие! Как, впрочем, и все, что он говорит. Разве мы не чтили и не прославляли Бога? И когда это мы презрели Его волю? Если за собой это знает, пусть о себе и толкует. А привел Господь поганых и даровал им победу не за наши грехи, а за грехи великого князя, который в гордыне своей не позвал Владимира Мономаха, решив один победить половцев. Который отверг протянутую руку, когда половцы шли к нам с миром. Несчастливое это имя для Руси. Был когда-то проклятый Богом и людьми Святополк Окаянный, и вот теперь его тезка приводит напасти на Русь.

Монах внимательно огляделся по сторонам, но никто, кроме собеседника, его не слышал.

Довольные победой половцы вернулись к Торческу, и обе половины войска воссоединились. Осада города подходила к концу, и наконец измученные голодом торки открыли ворота.

Войдя в Торческ, половцы подожгли город, а жителей поделили между собой. Много рабов было захвачено и в других местах, поскольку половцы основательно опустошили села Южной Руси.

С осунувшимися лицами, почерневшими телами и воспаленными языками, обдирая ноги о колючие травы, голые и босые, шли пленники по незнакомой земле. Часто один, отвечая на вопрос другого, говорил: «Я из этого города», – другой же откликался: «А я из того села». И плакали они, и казалось им, что не только великий князь, но и сам Господь забыл про них.

Марджана

В следующем году Святополк решил, что у него есть только один способ избавиться от половецких набегов. Будучи вдовцом, он решил посвататься к старшей дочери Тугор-хана, юной Марджане.

Тугор-хан, вполне довольный захватом Торческа и приобретением несметного количества пленников, согласился на этот брак, а соответственно, и на мир с Русью.

Марджана в сопровождении свиты прибыла в Киев и сразу же очаровала Святополка. Высокая, с длинными ногами, гибким станом и пышной грудью, с шелковистыми черными волосами и черными же глазами, она была совершенно непохожа на тех женщин, которых Святополк знал раньше.

Во время свадебного пира Святополк думал только об одном: скорей бы все ушли и дали ему насладиться Марджаной. Присутствовавший на свадьбе Мономах, прикинувшись более хмельным, чем он был на самом деле, подошел к двоюродному брату и прошептал:

– А ведь ты не девушку берешь в жены, Святополк Изяславич.

– С чего ты взял? – спросил Святополк тихо, но не шепотом.

– Я по глазам это вижу. У нее глаза женщины, познавшей плотскую страсть.

Мономах вернулся на свое место, оставив Святополка в глубоком смятении. Им двигало не просто желание подразнить врага, он действительно отвечал за то, что говорил. Мономах был уверен, что всегда отличит невинную девушку от порченной. Когда он впервые увидел свою будущую жену, английскую принцессу Гиту, мать Мстислава, то сразу понял, что она невинна, и был пленен ее невинностью.

Пир наконец закончился. Святополк и Марджана остались одни в княжеской опочивальне.

Раздев Марджану, хмельной Святополк захмелел еще больше – при виде ее тела. За свою достаточно долгую жизнь он успел заметить, что, хотя обнаженные женщины и вызывают желание, более изящными они все-таки кажутся в одежде. Одежда создавала какую-то загадку. Однако обнаженная Марджана была прекрасней и изящней, чем одетая, и загадка в ней, как ни странно, оставалась.

Она действительно оказалась не девушкой, но зато она умела такое, о чем Святополк, привыкший к простым, грубым ласкам, не имел ни малейшего понятия. Она открыла ему целый мир изощренных восточных наслаждений, в который он погрузился, как в некую волшебную сказку.

– Марджана, – сказал он уже на рассвете.

– Да, мой повелитель, – ответила она (она говорила по-русски с милым акцентом), сладко целуя его в губы и прижимаясь к нему всей своей роскошной грудью.

– Марджана, – повторил он, тая от ее прикосновения, – я знаю, что взял тебя не девушкой, и прощаю тебе это за твое волшебство в любви. Но скажи, кто тебя этому научил? Ведь кто-то тебя научил.

– Отец, – спокойно ответила она.

– Кто? – переспросил потрясенный Святополк.

– Мой отец, Тугор-хан. У нас, половцев, девушку всегда учит любви отец. Или дядя, если отца нет в живых. Просто мы скрываем это. Ты первый русский, кто узнал. Молчи об этом. Если ты проговоришься, я в отместку стану обычной покорной женой, и все мое волшебство исчезнет. Тебе выпало счастье узнать любовь половчанки, так молчи.

Для Святополка это было совершенным откровением. Он слышал истории о далеких народах, где мужчины живут с дочерьми и сестрами, но всегда считал это небылицами. И вот, оказывается, совсем близко, у половцев...

Сознание того, что Марджану развратил родной отец, вдруг страшно возбудило Святополка, и он, казалось бы, уже истомившийся от ласк, вновь овладел ею – просто и примитивно, как он умел с юных лет. Но Марджана извивалась под ним, как змея, и превратила все в какую-то сумасшедшую, неистовую пляску.

Начались безумные дни: он занимался государственными делами, пировал с дружиной, встречался с князьями и боярами, но на самом деле все его мысли были о предстоящей ночи. Марджана никогда не повторялась, все время выдумывала

вая что-то новое. Иногда ему казалось, что они совершают какой-то жуткий грех, но тут же он одергивал себя: ведь это его законная жена, принявшая христианство и обвенчанная с ним в Софийском соборе. В чем тут может быть грех?

Святополк страшно возгордился: обычные женские ласки, которыми довольствовались те, кто окружал его, и которыми когда-то довольствовался он сам, казались ему пресными, как вода в сравнении с брагой. Он один пил эту брагу, он один владел единственным в Киеве черным бриллиантом, и Марджану он не променял бы на все сокровища мира. Даже власть свою он бы отдал ради нее.

Мстислав

Двенадцатилетним мальчиком Мстислав был оторван от семьи и отправлен князем в Новгород, из которого только что местные бояре изгнали Святополка. Там Мстислав пытался найти друзей среди своих сверстников, но те слишком робели перед ним, и никаких игр между ними не получалось.

Приходилось довольствоваться обществом княжеской дружины, которая относилась к нему одновременно и почтительно, и снисходительно. Напившись браги, захмелевшие дружинники вообще забывали о сидящем с ними Мстиславе и начинали говорить на разные темы.

Особенно любили они вспоминать и обсуждать прошлое Руси. Из этих разговоров Мстислав узнал многое, что противоречило тому, чему его учили. Он узнал, что Владимир Святой, крестивший Русь, был побочным сыном Святослава I от ключницы Малуши и что он отобрал законную власть у своего брата Ярополка. Сначала Владимир (первая жена которого умерла при родах) попросил руки красавицы Рогнеды Полоцкой, дочери варяга Рогвольда, сосватанной за Ярополка. Верная жениху Рогнеда отказала Владимиру, сказав к тому же, что не может обвенчаться с сыном рабыни. Оскорбленный отказом, князь взял боем Полоцк, пожалованный Рогвольду за верную службу отцу Владимиру, убил Рогвольда и его сыновей, а несчастную Рогнеду взял в жены,

перед этим, как говорят, изнасиловав. Распоясавшись окончательно, Владимир пошел на Киев. Там он вошел в тайные переговоры с одним из воевод своего брата, которому Ярополк безмерно доверял. Воевода уверил Ярополка в том, что киевляне ждут Владимира и составили против законного князя заговор. Напуганный Ярополк ушел в Родню, и Владимир, взяв Киев, осадил брата в этом последнем его убежище. Воины Ярополка изнемогали от голода, и память об этом сохранилась надолго в пословице: «Беда аки в Родне». Изменник-воевода склонял Ярополка к миру, и тот в конце концов согласился отправиться на переговоры. Воевода немедленно уведомил Владимира, что брат отдается ему в руки. Один из верных слуг Ярополка, по имени Варяжко, отговаривал того идти к брату, но Ярополк не слушал доброго совета. Он отправился в Киев, где Владимир должен был поджидать его в теремном дворце. Предатель ввел Ярополка во дворец и запер дверь, чтобы дружина не могла войти за ним. Тут же два наемника-иноземца набросились на законного князя и пронзили ему грудь мечами. Варяжко же, опасаясь мести Владимира, бежал к печенегам.

Убив брата, Владимир взял себе второй женой его беременную супругу-гречанку и усыновил ребенка. Помимо Рогнеды и вдовы Ярополка, у него появились еще три жены: одна была из Богемии, вторая – из Руси, а третья – из Болгарии. Последняя родила Бориса и Глеба.

Владимир давно охладел к Рогнеде, родившей ему четы-

рех сыновей и двух дочерей, и предпочитал ей новых жен. Но однажды он все-таки посетил ее уединенное жилище на берегу реки Лыбедь. Рогнеда же задумала наконец отомстить ему за убийство отца и братьев. Когда князь заснул после мерзких для нее ласк, она решила ножом убить его. Однако князь, спавший, казалось бы, крепко, проснулся и легко отобрал у нее нож.

Владимир решил собственноручно казнить Рогнеду. Он приказал ей надеть брачную одежду, сесть на богатом ложе в светлой храмине и ждать смерти. Но когда он вошел в храмину, его маленький сын Изяслав, наученный Рогнедой, подал ему обнаженный меч со словами: «Ты не один, отец мой. Сын твой будет свидетелем». Раздраженный Владимир воскликнул: «Кто же знал, что ты здесь!» – бросил меч на землю и вышел из храмины. Убить Рогнеду в присутствии их сына он не посмел.

Он созвал бояр и попросил их совета. Бояре, сочувствовавшие бедной Рогнеде, в один голос советовали помиловать ее. Владимир внял их словам, повелел возвести недалеко от будущего Витебска город Изяславль и отправил туда мать и детей с глаз долой. Впоследствии Изяслав стал князем Полоцким, получив владения своего убитого деда.

Захватив власть, Владимир изгнал из Киева варягов-наемников, которые помогли ему к этой власти прийти. Затем он решил упорядочить веру в языческих богов и установил культ шести из них во главе с богом войны и грозы Перуном

– Аресом и Зевсом в одном лице. Новое изображение Перуна с серебряной головой было поставлено на священном холме близ теремного двора, в окружении других статуй-кумиров. Здесь приносились человеческие жертвы и лилась кровь. Таковую же статую Перуна установил на берегу Волхова дядя и воспитатель Владимира Добрыня, брат ключницы Малуши, которого Владимир послал управлять Новгородом.

Но прошло всего несколько лет, и Владимир вдруг увлекся христианством, которое исповедовала его бабка Ольга. Сразу же после взятия Херсонеса и очередной женитьбы, на этот раз на Анне, сестре ромейских императоров Василия и Константина, он, сам приняв крещение, решил крестить Русь. Главной причиной тут, конечно, была не вера, а стремление упрочить союз с Ромеей. Перуна, с таким торжеством установленного на холме, привязали к конскому хвосту, били палками и наконец сбросили с холма в Днепр. Чтобы язычники не вытащили Перуна из воды, княжеские дружинники отталкивали его вплоть до самых порогов, за которыми он был выброшен волнами на берег (это место долго называлось Перуновым). Остальным статуям повезло меньше: они были изрублены или сожжены.

Народ плакал, но не смел защитить своих богов. А на следующий день киевлян, не объяснив им даже сути новой веры, загнали креститься в Днепр. Некоторые говорили, что новая вера должна быть мудрой и святой, раз великий князь предпочел ее вере отцов своих. Крещение проводилось, ра-

зумеется, и в других городах. В том же Новгороде дядя Владимира, забыв о Перуне, железным кулаком вводил христианство.

Приняв новую веру, Владимир продолжал жить с пятью женами (впрочем, и давно оставленная Рогнеда на словах продолжала считаться его женой). Кроме того, он имел около трехсот наложниц в Вышгороде, около трехсот в Белогородке и около двухсот в селе Берестове. Со всеми ними Владимир переспал хотя бы раз. Но и этого блудливому князю было мало. Он не пропускал ни одной понравившейся ему женщины, будь то замужняя или невинная дева. Святость браков, невинность – все это было для него пустым звуком. Всякая более-менее красивая женщина или девица боялась привлечь его сладострастный взор.

Очень любил Владимир развлекаться с несколькими женщинами одновременно.

В те времена в Киеве ходила шутка, над которой, по слухам, хохотал и сам князь. Киевлянку спрашивают: «Ты хотела бы отдаться великому князю?» Та отвечает: «Уже нет».

Владимир Святой, которого Мстислав привык почитать как человека, принесшего на Русь истинную веру, как защитника Руси от печенегов, и в честь которого к тому же был назван его, Мстислава, отец, оказался кровожадным, коварным, распутным чудовищем.

Ярослав Мудрый, третий сын Рогнеды, рядом с ним вы-

глядел благородным князем, но и на его совести, как выяснилось, были пятна. Он, как говорили, в последний год жизни Владимира собирался вступить в войну с родным отцом, для чего нанял в Швеции большие отряды варягов (он был женат на дочери короля Олафа и имел со Швецией тесные связи). После всего, что Мстислав узнал о Владимире, он не мог осуждать Ярослава за это. Тем более некоторые утверждали, что войну хотел начать сам Владимир – из-за того, что Ярослав отказался выплачивать Киеву дань. Но было и другое. Как-то прибывшие в Новгород, где княжил Ярослав, варяги передрались с местными жителями во дворе Поромона, и многие из варягов были убиты. Ярослав был страшно разгневан, но затаил этот гнев. Он заманил в свой дворец бояр и воевод новгородского войска, которых изрубил в отместку за варягов. Часть новгородцев в страхе бежала.

Не успела закончиться эта кровавая ночь, как к Ярославу прибыл гонец от его любимой сестры Предславы, сообщавшей, что их отец умер, а между братьями уже разгорелась борьба за власть. Ярославу пришлось покаяться перед новгородцами. Он собрал горожан на вече и обратился к ним с такими словами:

– О моя любимая и честная дружина, которую я вчера в безумии своем изрубил! Смерть их не искупишь теперь никаким золотом... Братья! Отец мой умер. В Киеве незаконно княжит Святополк, который не был сыном ему. Я хочу идти на Святополка войной – поддержите же меня!

Новгородцы простили своего князя и выставили три тысячи воинов. Простояв три месяца у Любеча на Днепре, Ярослав решил наконец напасть на Святополка и выиграл битву. Святополк бежал, а Ярослав вошел в Киев. Большинство считало, что он в своем праве. Святополк был старше Ярослава, но не был родным сыном, и известно было, что Владимир его не любил.

Однако борьба на этом не закончилась. Святополк Окаянный приводил на Русь то поляков, то печенегов, снова отвоевал и потерял Киев, и только через четыре года после победы Ярослава на реке Альте Святополк был разбит окончательно.

После поражения Святополк повредился в уме. Одни говорили, что он к тому же ослаб и слуги несли его на носилках. По словам других, он быстро проскакал через всю Польшу и (в этом все сходились) умер где-то в неизвестном месте, вдали от Русской земли.

Но тут у Ярослава появился новый враг. Когда он усмирять восстание в Суздальской земле, из Тьмутаракани во главе русско-кавказских войск пришел брат Ярослава Мстислав. Этот князь, победивший в поединке кавказского князя Редедю, очень нравился своему юному тезке. У них совпадали не только имена, но и отчества – Мстислав Владимирович.

Мстислав, прозванный Храбрым, выиграл битву под Лиственом близ Чернигова, обратив Ярослава с его варягами в бегство. Но он не требовал себе Киев. Он предложил брату

поделить Русскую землю по Днепру. Себе он просил Левобережье с Черниговом и Переяславлем, а Ярославу оставлял Киев и правобережные земли. Ярослав вынужден был согласиться.

Этот раздел произошел в 1026 году, а спустя десять лет Мстислав Храбрый разболелся во время охоты в черниговских лесах и умер. Наследников он не оставил, и Левобережье снова отошло к киевскому князю. Ярослав Мудрый стал единственным повелителем Руси.

Вообще, над сыновьями Владимира словно витал некий злой рок, заставлявший их расплачиваться за грехи отца. Глеб Муромский был зарезан на корабле под Смоленском собственным поваром, которого подкупил Святополк Окаянный, стремившийся избавиться от соперников.

Святослав Древлянский бежал в Чехию, землю своей матери, но убийцы, подсланные все тем же Святополком, настигли его в Карпатских горах.

Всеволод Волынский сватался к вдове шведского короля Эрика – Сигриде-Убийце – и был сожжен ею вместе с другими женихами на пиру в королевском дворце.

Судислав Псковский был по клеветническому доносу засажен Ярославом в поруб, особую тюрьму без дверей, с маленьким оконцем для передачи пищи, где просидел двадцать четыре года. Только через четыре года после смерти Ярослава его выпустили из тюрьмы племянники, чтобы немедленно отправить в монастырь. Там он и умер в 1063 году, пережив

всех своих братьев.

Но самой тяжелой была история смерти Бориса, любимца отца и отцовской дружины, а потому главного соперника для братьев. Он был убит вскоре после смерти Владимира, возвращаясь из похода против печенегов. Мстислав привык считать, что его тоже убили люди Святополка Окаянного. Однако новгородские дружинники говорили другое. По их словам, Бориса убили варяги Ярослава Эймунд и Рагнар, ночью ворвавшиеся в княжеский шатер. Эймунд якобы преподнес Ярославу отрубленную голову Бориса.

По ночам Мстислав мучительно обдумывал услышанное от дружинников. В голову ему лезли совсем уж страшные мысли.

В том, что Бориса убили варяги Ярослава, сомневаться, кажется, не приходилось. Тем более что в «Житии святых Бориса и Глеба», которое Мстислав читал до прибытия в Новгород, также упоминались два варяга (только служившие Святополку), один из которых добил мечом еще дышавшего князя. Упоминалась там и отрубленная голова – но не самого Бориса, а его оруженосца венгра Георгия. Но что, если Глеба и Святослава Древлянского тоже убили люди Ярослава, а из Святополка сделали козла отпущения – просто потому, что он проиграл. И разве не мог Ярослав отравить Мстислава Храброго?

А несчастный Судислав Псковский, четверть века гнивший в тюрьме и сменивший ее на монастырь? Его аресто-

вали вскоре после смерти Мстислава Храброго. Перед этим Ярослав посадил княжить в Новгороде своего старшего сына Изяслава и назначил нового епископа. Он явно укреплял северные рубежи, а Псков тоже располагался на севере. И что удивительного, если он хотел избавиться от последнего брата? Быть может, причиной ареста был не какой-то там донос, а воля Ярослава.

Но, что ни говори, Ярослав сделал много полезного для Руси. При нем в Киеве воздвигли Софийский собор и Золотые ворота, при нем перевели много книг с греческого на русский, создали первые школы. Он сам, без ведома ромейских священников, назначил русского митрополита Иллариона, бывшего пресвитера Берестовской церкви. При нем Антоний Любечанин создал Киево-Печерскую лавру. Теперь от этого обычая отошли: митрополитом снова был грек, враждовавший с лаврой.

И все же предки, которыми Мстислав привык гордиться, начали казаться ему какой-то свирепой бандой разбойников, готовых на все ради борьбы за власть. Даже перед самым его рождением была усобица, пусть не такая кровавая: Святослав отнял власть у Изяслава. А когда Мстиславу было два года, случилась битва на Нежатиной Ниве, где погиб Изяслав.

Дружинники, как это ни странно, не осуждали ни Ярослава, ни даже Владимира. Наоборот, они гордились, что все эти великие князья поначалу княжили в Новгороде.

– И Изяслав Ярославич тоже был нашим князем, – вспомнил как-то один из дружинников. – Как и сын его Святополк одно время. Готовься, Мстислав Владимирович: сидеть и тебе на киевском престоле. Примета безотказная.

Узнал Мстислав и о призвании варягов – Рюрика с его братьями Синеусом и Трувором. Не очень понятно было, правда, кем был Рюрик – полновластным князем или просто приглашенным начальником дружины. Но, видимо, все-таки полновластным князем, раз Вадим, внук Гостомысла, поднял против него восстание.

Особенно же много говорили о Вещем Олеге – преемнике Рюрика, захватившем Киев и дошедшем до Царьграда. Умер Олег то ли в Киеве, то ли в Ладоге, решив, когда подрос Игорь, вернуться на родину, но не доехав. Сходились только насчет обстоятельств его смерти.

Новгородские волхвы предсказали Олегу, что ему суждено умереть от любимого коня. С тех пор он перестал ездить на нем. Прошло четыре года; осенью пятого Олег спросил о коне и, узнав, что тот давно умер, посмеялся над волхвами, довольный, что предсказание не сбылось. Он захотел видеть кости коня – ему их показали. Олег стал ногою на череп и спросил: «Его ль мне бояться?» Но в черепе сидела змея; она ужалила князя, и тот скончался. Мстиславу это казалось явной легендой – красивой, мрачной и мудрой.

Он впервые слышал об этих князьях – Вещем Олеге, Рюрике. И впервые он, к великому своему удивлению, услышал,

что Русь началась не в Киеве, а в Новгороде.

Любава

Мстислав вырослел, и его все больше привлекали девушки и женщины. Из разговоров пьяных дружинников он уже достаточно много знал об отношениях мужчин и женщин, но сами эти разговоры вгоняли его в глубокую краску. Такие высказывания, как, допустим: «Попаришься с женой в баньке – и человеком себя чувствуешь», – коробили его страшно. Еще ему очень не нравилось выражение: «Она родила ему сына». Можно было подумать, что себе она сына не родила.

Мстислав был очень целомудренным, но никакое целомудрие не могло заглушить властный голос юной крови. Особенно ему нравилась одна из служанок, по имени Любава, на год моложе его, пухленькая, светловолосая. Она была сиротой и жила при теремном дворце. Мстислав слышал, какой словоохотливой она была в разговорах с подругами, но в княжеских покоях Любава всегда была молчалива, лишь изредка бросая на Мстислава быстрые взгляды, в которых таилось озорство. Мстислав при этом краснел и отводил глаза, как будто это он был девушкой.

Однажды, когда они в очередной раз остались наедине и Любава вытирала пыль с окна, он подошел к ней, положил руки на ее плечи, не осмеливаясь опустить их ниже, и горячо зашептал ей в самое ухо:

– Любава, приходи сегодня ночью на сеновал. Придешь?

— Приду, князь, — ответила Любава, как будто речь шла о пустяковой просьбе, и довольно быстро ушла.

Мстислав с трудом дождался ночи. Он был в полном смятении, и мысли его путались. Где-то около полуночи он легко выпрыгнул из невысокого окна и пошел к сеновалу.

Любава уже ждала его. Увидев Мстислава, она сняла с себя платье, потом — рубашку, и он увидел ее свежее девичье тело, прекрасное, как солнце и звезды.

— У тебя кто-нибудь был? — спросил он.

— Никого не было. А у тебя, князь?

— Тоже. Ты боишься?

— Нет, тебя не боюсь.

— Почему?

— Ты нежный и ласковый, я чувствую.

Он действительно изо всех сил старался быть с ней именно таким.

Им не нужно было тех изощренных ласк, которыми Марджана потчевала великого князя Святополка. Им вполне хватало их полудетской чувственности и той невероятной нежности, которую они испытывали друг к другу.

— А почему, князь, ты всегда ложишься сбоку, а не сверху? — спросила как-то Любава. — Мне говорили, что мужчины ложатся сверху.

— Тебе ведь будет тяжело, — ответил Мстислав.

Любава крепко обняла его и поцеловала в губы.

Часто они подолгу лежали рядом, и Мстислав рассказывал

ей о своих предках, разумеется, выставляя их в самом лучшем свете. Но Любава знала достаточно много, и ему приходилось оправдывать Владимира Святого, которого он уже терпеть не мог, а также Ярослава Мудрого, к которому он был более расположен.

Любава больше любила говорить об Олеге и Рюрике.

– Запомни, – повторяла она, – из Новгорода, из Новгорода все пошло. И я горжусь тем, что я – новгородка.

А в душе Мстислава все сильнее отпечатывалось, что если Киев был матерью городов русских, то Новгород был их отцом.

Рассказывал Мстислав Любаве и о битве при Гастингсе (ровно за десять лет до его рождения), в которой норманны победили саксов и завоевали Англию и в которой пал его дед по матери, последний саксонский король Англии Гарольд.

– Чудно, – говорила Любава. – Ведь Англия – это где-то там, далеко за морем, а вот ты, сын англичанки и внук английского короля, лежишь тут, рядом со мной. Какое у тебя христианское имя, князь?

– Гарольд, в честь деда, – ответил Мстислав. – Мой отец очень любил мою мать и не отказал ей, когда она попросила об этом.

– Да, странное имя. А какое христианское имя у твоего отца?

– Василий.

– Ну, это попривычнее. И все равно имя не наше, а грече-

ское. А какое было христианское имя у князя Ярослава?

– Георгий.

– Тоже греческое. Приняли чужую веру, а с ней и чужие имена, но боитесь произносить их вслух и зовете себя славянскими именами. Но придет время, и все будете звать себя по-гречески. Да и сейчас среди славянских имен разве не попадаются Олеги да Игори? Ведь все вы потомки варягов.

Мстислав никак не ожидал от шестнадцатилетней Любавы таких речей.

– Кто тебя этому научил? – резко спросил он.

– Чему?

– Про чужую веру, про варягов?

– Меня воспитывал дед, а он был волхв. Никто, конечно, не знал, но он умел заговаривать и лечить. Когда я маленькой сильно занемогла, он вылечил меня.

– И он молился Перуну?

– Не Перуну, нет. Роду. Род был и есть настоящий бог славян. И это он бог грозы, а вовсе не Перун. Перун был просто бог войны, почему князья и дружинники сделали его главным. И до сих пор на украинах тайно молятся Перуну, но только на украинах. А Роду молятся везде. Ведь это он создал все, а вовсе не греческий бог. И еще молятся рожаницам. От них зависит урожай, и от них же – судьба каждого человека. А в день Рода, летом, как я слышала, в деревнях до сих пор юноши и девушки идут ночью купаться на реку, а потом нагие уходят в лес, и каждый может любить каждую.

– Любава, – заговорил взволнованный Мстислав, – то, что мы с тобой делаем, – это блуд. И я это знаю, но не в силах устоять. Но то, о чем ты говоришь, хуже блуда.

– Это не блуд, – сказала Любава, – это любовь.

– Отчего же тогда ты порицаешь Владимира Святого?

– Князь Владимир никого не любил. Он просто тешил свою плоть. А вот если думаешь больше о другом, чем о себе, если стремишься доставить радость, тогда все дозволено.

– Любава, – спросил Мстислав, – неужели ты бы хотела принадлежать кому-нибудь, кроме меня? И неужели ты бы хотела, чтобы я ласкал другую?

– Нет, – ответила Любава, – конечно, нет. Я бы хотела, чтобы мы принадлежали только друг другу. Но это потому, что мы уже испорчены. Мы хотим любить кого-то одного. А любить надо всех, даже некрасивых, убогих, всех. Этому ведь и греческая вера учит, правда? Только любовь у них какая-то неживая, потому что бесплотная. А любовь должна быть живая, теплая, сладкая, как у нас с тобой. И тогда все будут счастливы.

– Любава, – спросил Мстислав, меняя тему, – а каких еще древних богов ты знаешь?

– Есть Сварог, бог-кузнец, есть Дажбог, бог света, есть Велес, бог скота, есть Ярило, бог плодородия, есть Хорс, бог солнца, есть Симаргл, пес, охраняющий семена и посевы, есть Стрибог. Есть Макошь, богиня судьбы, и есть Лада, богиня любви. Дед говорил мне, что и у греков были похожие

боги. И Род у них был, только называли они его по-своему – Зевс (в Египте – Амон). А значит, это те же самые боги, и, значит, они есть на самом деле.

Рассказывал мне дед, что правил давным-давно в Египте царь Феоста, – продолжала Любава. – Хоть и царь он был, любил работать в кузне и научился ковать оружие, людей этому выучил. А до того ведь везде, во всех странах, на камнях и на палицах бились. И когда умер Феоста, вознес его Великий Род на небо и сделал Сварогом, богом-кузнецом. Мало тогда еще было богов, и нуждался Род в таких, как он. Греки звали Сварога Гефестом.

Был у Феосты сын по имени Солнце. Только египетское, конечно, это было имя. Он после смерти стал Дажбогом...

– Ты же говорила, что Дажбог – бог света? – спросил Мстислав, умевший прекрасно все запоминать. – Но в земной жизни у тебя его зовут Солнце. И действительно, откуда исходит свет? От солнца. Сейчас, конечно, от звезд и месяца ясного. Но днем – от солнца. И намного ярче дневной свет ночного, сама это знаешь. А бог солнца, по твоим же словам, – Хорс.

Вопреки ожиданиям Мстислава его слова несколько не смутили Любаву.

– Вам ли, христианам, учить нас этому? Похваляетесь, что верите в единого Бога. Мол, только поганые верят во многих. А сами ведь верите в трех богов. В Троицу вы верите, в Отца, Сына и Святого Духа. И любят говорить попы: Отец –

это солнце, Сын – луч, Дух – тепло солнечное. В одном вы правы: у солнца и света солнечного разные боги. У солнца – да, Хорс, которого греки Гелиосом звали. А у солнечного света – Дажбог. Звали его Солнце, близок он был к солнцу, вот Род и сделал его богом света. Но часто путали и путают это, называя Дажбога богом солнца. Путали и греки, звавшие Дажбога Фебом. Но Феб – это блистающий. Нет, дед мой не знал греческого, как и я не знаю, только это слово и смысл его он запомнил точно. И я выучила.

Страшная догадка озарила Мстислава, пока Любава, так хорошо обученная дедом, рассказывала о своих богах.

– Какое у тебя христианское имя, Любава? – спросил он, сам боясь ответа.

– А нет у меня никакого христианского имени! – дерзко воскликнула Любава. – Дед сумел уберечь меня от вашего крещения. Я ношу крест и в церковь хожу, но это только для виду. Каждое утро я молюсь богам, чтобы проклятый крест не причинил мне никакого вреда.

Мстислав с ужасом осознал, в каком положении он очутился. Он не просто предается блуду, он предается ему с некрещеной язычницей, верящей не в христианского Бога, а в какого-то Рода.

Любава, чувствуя, что Мстислав ускользает от нее, заключила его в объятия и прижалась к нему всем своим горячим телом.

– Если тебе мало моего имени, если тебе нужно второе, то

вот оно – Великая Лада, богиня любви, – шептала она. – Да, я – Лада, я – рожаница, я – берегиня, я – русалка. В Греции – в той старой Греции, где правильная была вера, – меня звали Афродитой. Я родилась из морской пены. Я околдую тебя, ты, как все новгородские князья, станешь великим князем и вернешь нам право молиться нашим богам. Ты уничтожишь постную веру, которая убивает радость.

И хотя ее ласки по-прежнему были простыми, совсем не такими, как у Марджаны, было в них все-таки что-то колдовское, отчего Мстислав забывал себя, и религия отступала перед любовью.

– Ты вот сказал про месяц ясный, – произнесла Любава, уже окончательно успокоив его своей лаской. – А знаешь, почему месяц в календаре и месяц на небе одним и тем же словом зовутся? Ведь не тридцать дней проходят от рождения до смерти луны и не тридцать один, а меньше.

– Нет, – покачал головой Мстислав, – не знаю. – Он уже просто поражался тому, как много запомнила Любава благодаря своему покойному деду-волхву.

– В Египте, – начала Любава, – сначала годы по дням считали, а месяцев вообще не было. Потом по луне стали считать, по лунным месяцам. И у нас так считали, везде так считали. Вот так слово «месяц» и возникло. Потом сделали солнечный календарь и на двенадцать частей его разделили. Говорят, это тогда вышло, когда стали дань царям платить... Но слово «месяц» в нашем языке все равно осталось. А по-

английски как будет месяц? Тот месяц, что в календаре? Раз ты сын английской принцессы, ты должен знать.

– Монс, – ответил Мстислав.

– А луна как?

– Моон.

– Вот видишь. Смотри, облака! – Они оба уже оделись и вышли из сеновала. – В небеса поднимаются. К Роду, к богам!

«К настоящему Богу, – подумал Мстислав, – единому в своих трех ипостасях. Там, вверху, рай – последнее небо. Она заслуживает рая, ей просто заморочил голову ее дед. Знания могут быть хуже невежества. Если это неверные знания. Как довести ее до истины? Священники умеют, конечно, лучше, чем я, но нельзя же признаться в таком священникам. А наш блуд мы отмолим после того, как обвенчаемся».

Когда он вернулся живой после битвы на Стугне, Любава, никого не стыдясь, вышла встречать его к воротам. Она, конечно, не обнимала, не целовала его при всех, но сказала еле слышно:

– Я молилась за тебя нашим богам. Вот почему ты жив, а другие погибли, и твой дядя в их числе.

Скрывать их связь больше не удавалось; наоборот, все вокруг только и говорили об этом. Любаву осуждали, Мстислава не осуждал никто – удивлялись лишь, что он ограничился одной любовницей и не смотрит на других девушек. Многие

считали, что Любава околдовала его. Никто не знал, что ее дед был волхв, но о том, что он владел заговорами и приворотами, некоторые слышали.

Вспоминали ключницу Малушу и на полном серьезе обсуждали, не станет ли сын Мстислава и Любавы (если у них родится сын) когда-нибудь великим князем, подобно Владимиру Святому.

Счастье Мстислава и Любавы закончилось внезапно – как оно обычно и бывает. Однажды в Новгород впервые за много лет прибыл Владимир Мономах.

Когда они вместе с отцом вошли в залу, Мстислав по лицу Мономаха сразу же понял, что речь пойдет о чем-то очень серьезном, и он не ошибся.

Мономах отослал прочь всех, кроме Мстислава, и начал:
– Сын мой, ты прекрасно знаешь, что браки между сыновьями и дочерьми разных стран укрепляют хорошие отношения между странами. Я сам, правда, женился на дочери убитого и свергнутого короля, но ведь все тогда надеялись, что саксы вернут свою свободу. Особенно же заинтересованы мы в хороших отношениях не только с греками, но и со свеями. Ты знаешь, что Ярослав Мудрый был женат на дочери свейского короля Олафа. Его брат Всеволод Волынский сватался к свейской королеве. Правда, это принесло ему страшную смерть, но никто ведь не знал, что Сигрида окажется кровавой убийцей. Тебе тут, в Новгороде, должно быть, рас-

сказали, что род русский пошел от варягов, от северного народа, и негоже нам отходить от своих корней. В общем, я хочу, чтобы ты женился на свейской княжне Кристине. Согласие свейской стороны уже получено.

На Мстиславе лица не было, и Мономах, подойдя, потрепал его по плечу:

– Я знаю, что у тебя тут есть девушка. Не стану осуждать тебя за это. Я в твои годы тоже был грешен. Я могу даже похвалить тебя: ты любишь одну, а я блудил со многими. Но с тех пор как я женился на твоей матери Гите, я ни разу не изменил ей. Да и зачем мне было изменять, если я любил ее больше, чем самого себя? Когда она умерла, я, соблюдая должный траур, женился вновь – только чтобы не впасть в блуд, которого иначе я бы не миновал. Я не люблю свою нынешнюю жену, но я верен ей. У меня бывают искушения, но я их подавляю. И если ты хочешь, женись на Кристине, сохранить и свою нынешнюю любовь, отбрось эту грешную мысль. Князья должны подавать своим подданным пример праведной жизни. Твою девушку надобно отослать – от греха подальше, и чем быстрее ты это сделаешь, тем легче тебе будет, поверь.

– Почему я должен жениться на этой Кристине? – спросил Мстислав.

– Потому что князья женятся на равных им по знатности.

– А ключница Малуша?

– Она не была женой великому князю.

– Однако ее сын наследовал ему.

– Не говори мне об этом человеке! – вскричал Мономах. – Это позор нашего рода, и я стыжусь, что меня нарекли в его честь. Тебе тут, вероятно, рассказали о нем много интересного. И ты прекрасно знаешь, каким гнусным образом он наследовал Святославу.

– Но ведь он принес на Русь истинную веру. Разве за это не простятся ему грехи, уже во многом искупленные его сыновьями?

– Быть может, и простятся, – сказал Мономах, подумав. – Но судить об этом не нам, а Господу.

Мстислав стоял молча, сжав кулаки.

– Сынок, – ласково заговорил с ним Мономах, – неужели ты ослушаешься отца?

– Я должен поговорить с ней, – произнес Мстислав.

– Говори, – не стал возражать Мономах.

С тяжелым сердцем Мстислав вышел во двор, где как раз стояла Любава. Он понимал, что в эту минуту за ними наблюдают все – дружинники, слуги, – но ему было все равно.

– Любава, – сказал он, – отец хочет, чтобы я женился на свейской княжне Кристине, а тебя отослал.

– Я молчала об этом, князь, – медленно проговорила Любава, – но теперь настало время сказать. Я жду ребенка от тебя. Клянусь Родом.

Это известие сразило Мстислава наповал, и он опрометью кинулся обратно во дворец.

Когда Мономах услышал новость, его лицо омрачилось, но довольно быстро прояснилось.

– Мы выдадим ее замуж, – сказал он, – и она будет избавлена от позора. Я сам прослежу за этим, тебе незачем беспокоиться. В конце концов, это мой первый внук. Клянусь твоей покойной матерью, что все будет сделано должным образом.

Мстислав снова вышел к Любаве и объявил ей решение отца. Он чувствовал себя безвольной куклой.

– Что же, князь, – тихо произнесла Любава, – я понимаю, что ты не волен в своих решениях. Я сама виновата. Мне надо было тогда сказать тебе «нет». Ведь ты бы не стал меня домогаться?

— Никогда, – твердо ответил Мстислав.

— Но ты нравился мне, а потом я тебя полюбила. И так лестно было быть подругой самого князя. Только мы слишком разные. Ты – князь, а я – служанка. Ты – христианин, а я – язычница. Ты – потомок варягов, греков и англичан, а я – славянка. Нам суждено расстаться самими рожаницами и богиней Мокошью. И никакая я не Великая Лада, я простая девушка. Давай расстанемся поскорее. Долгие проводы – долгие слезы.

Они поцеловались в последний раз, не обращая никакого внимания на окружающих.

Тем же вечером Любава покинула Новгород. Впоследствии Мстислав узнал, что она живет в какой-то деревне под

Ладогой. Она вышла замуж и родила сына, которого назвали Мстиславом. Ребенок был крещен и получил христианское имя Федор.

Кристина

Вскоре в Новгород прибыла с большой свитой шведская принцесса Кристина. Мстислав, не забывший Любаву, был, однако, очарован принцессой. Стройная, белокурая, голубоглазая, с точеными чертами лица, не знавшая ни слова по-русски, она казалась Мстиславу каким-то неземным ангелом. Не переставая тосковать по Любаве, он в то же время, как это ни странно, все сильнее влюблялся в Кристину. Казалось невероятным, что у нее такое же тело, как у Любавы, и что она способна к таким же ласкам.

На свадебном пиру Мстислав, почти не пивший браги, чувствовал себя совершенно хмельным. Его же отец был угрюм и неразговорчив. Мономаху бесило, что великий князь Святополк и жена его Марджана не соизволили почтить своим присутствием свадьбу его старшего сына. Не приехал и крестный Мстислава, Олег Святославич, но у того была уважительная причина: он княжил в Тьмутаракани, а добираться оттуда было далеко. К тому же после того, как Мономах выбил Олега из Чернигова, тот вряд ли горел желанием увидеть своего двоюродного брата.

Когда гости наконец ушли, Мстислав увел Кристину в опочивальню. Та послушно шла за ним. Он старался быть с принцессой таким же нежным, каким был с Любавой, но Кристина никак не отвечала на его нежность. Она остава-

лась совершенно неподвижной, и, хотя тело ее было горячим, Мстиславу казалось, что она холодна как лед.

Странное дело – встречаясь с Любовью и умом понимая, что он совершает грех, сердцем Мстислав никакого греха не чувствовал. Теперь же, лежа рядом с законной, обвенчанной с ним женой, он испытывал отвращение к ней и в первую очередь к себе. Он словно осквернил какую-то мраморную статую. И даже нельзя было ничего спросить у Кристины: они говорили на разных языках.

Кристина замкнулась в своем мирке, состоявшем из шведских фрейлин. Она выучила некоторые русские слова, но лишь самые основные, без которых нельзя было обойтись в быту. Супружеские обязанности явно были для нее только неизбежным долгом.

Мстислав же потихоньку привыкал к своей нынешней жизни, которая состояла из брачного ложа, приносившего только тень радости, и из со временем утихавшей тоске по Любаве. По ночам, бодрствуя рядом со спящей Кристиной, он мечтал о великих сражениях с половцами, которые позволили бы ему развеяться.

Чернигов

В том же самом 1094 году, когда Святополк женился на Марджане, а Мстислав – на Кристине, князь Олег Святославич, отправив императору Алексею послание, где уведомлял того, что, как и было между ними договорено, оставляет ему Тьмутаракань, пошел со своим разбойничьим войском на север. По дороге, как много лет назад, к войску присоединялись многочисленные половцы, прельщенные обещанной Олегом добычей. Олег шел отвоевывать у Мономаха Чернигов.

Подойдя к городу, он окружил его со всех сторон. Мономаху ничего не оставалось, кроме вынужденного затворничества. Олег тем временем пожег все вокруг города, не щадя даже монастырей.

У Мономаха не было никакой возможности послать за помощью к Мстиславу – тот был слишком далеко и не успел бы, и мертв был утонувший в Стугне любимый брат Ростислав. Посылать за помощью к Святополку не имело смысла – Мономах знал, что великий князь откажет. Когда-то Изяслав, невзирая на личную вражду, помог его отцу в борьбе с Олегом, понимая, что Олег опасен и для него, и поплатился за эту помощь жизнью. Но Святополк был слишком глуп, чтобы понимать опасность Олега для него самого. К тому же Мономаху доносили, что Святополк пленен своей половец-

кой женой и ни о чем не думает, кроме женских ласк. За это Мономах вдвойне презирал Святополка.

Тем не менее дружина Мономаха восемь дней билась с войском Олега за малый вал и не дала ему войти в город. Но Мономах прекрасно понимал, что это лишь вопрос времени.

Не желая пятнать себя позорным поражением и губить своих воинов в бессмысленной битве, Мономах послал к Олегу гонца с предложением мира. Олег, чувствуя за собой силу, согласился на их встречу.

Увидевшись после шестнадцатилетнего перерыва, двоюродные братья долго разглядывали друг друга. Каждый помнил другого молодым, теперь же оба были зрелыми сорокалетними мужчинами.

– Я согласен на мир, – с ходу начал Олег Святославич, – и ставлю только одно условие. Ты должен отдать мне Чернигов.

Глаза Олега блеснули. Все-таки через многие годы, пережив ромейский плен (пусть почетный, но плен), он добился своего.

Мономаху пришлось стерпеть это. Олег был сильнее, и поэтому приходилось подчиняться. Пока подчиняться.

– Хорошо, – спокойно сказал Мономах. – Я отдам тебе Чернигов.

– Вот и прекрасно, – отвечал Олег. – Ты, твоя семья, твои дружинники, отроки и вся твоя челядь сможете беспрепятственно проехать сквозь юрты половцев. Я, Олег Святосла-

вич, обещаю тебе это.

– А помнишь, – лицо Олега вдруг смягчилось, – Владимир Всеволодович, поход против чехов? Ведь были же мы когда-то друзьями.

– Были, – резко ответил Мономах, – и я доверил тебе крестить своего сына. Но ты предал нашу дружбу, пойдя против моего отца. И теперь вновь ее предаешь, отнимая у меня мой город.

Лицо Олега вмиг стало суровым.

– Убирайся из Чернигова, – бросил он. – И убирайся скорее, пока я не передумал и не приказал взять город боем.

С этими словами он развернулся и вышел.

Потратив на сборы всего час, Мономах покидал Чернигов, о чем еще утром он не мог подумать. Вместе с ним город покидала его семья, где самым младшим был грудной младенец Юрий, будущий Юрий Долгорукий, а также воины Мономаха и его челядь.

Они ехали сквозь половецкие юрты, и Мономах, как и его дружинники, не отнимал десницы от рукоятки меча. Он не верил обещанию вероломного Олега и готов был к нападению. Но у половцев хватало других забот. С полного согласия и дозволения Олега они в награду за удачный поход грабили окрестности Чернигова (в сам город Олег их не пустил). Снова многие были уведены рабами в далекие земли.

Уже второй раз Олег приводил половцев на Русскую землю, за что в народе его прозвали Гориславичем.

И в тот же год, двадцать шестого августа, саранча, доселе известная русским людям только по Библии, налетела на Русь, поев траву и много жита.

Владимир Мономах решил податься в Переяславль, где после гибели Ростислава все еще не был избран князь. Он рассчитывал, что, как брата Ростислава, его охотно примут там. К тому же в Переяславле когда-то княжил его отец, и там он сам жил ребенком.

Мономах не ошибся в своих ожиданиях. Переяславцы рады были видеть его своим князем.

Снова Мономах оказался в городе своего детства, на самом краю Великой степи, где кочевали половцы. Здесь с древних времен сохранились Змиевы валы, защищавшие земли мирных славян-пахарей от кочевников. Одни племена сменяли другие, а противостояние Руси с Великой степью продолжалось.

Но гораздо больше половцев пугало Мономаха другое – возможный союз между двумя его врагами, Святополком и Олегом, союз, который окончательно втоптал бы его в грязь. Он, когда-то скакавший из Чернигова в Киев к своему отцу за один день и успевавший к вечерне, знал, как недалек путь между двумя городами. Вот почему он распорядился построить прямо посередине дороги между Киевом и Черниговом крепость Остёрский Городок, дабы затруднить связи соперников.

Имел он и другие планы, о которых будет сказано позже.

Три богатыря

В дружине Мономаха было много доблестных воинов, но наибольшим почетом пользовались трое – Илья Муромец, Добрыня Никитич и Алеша Попович.

Илья родился в селе Карачарове под Муромом. О нем рассказывали, что до тридцати лет он, несмотря на огромную физическую силу, был парализован и сидел сиднем. Его вылечили от тяжелого недуга какие-то старцы. Исцелившись, Илья отправился путешествовать по Руси. Случилось так, что, направляясь в Киев с желанием посмотреть столичный град, он сбился с пути и попал на дорогу в Чернигов, где разбойничал какой-то мелкий феодал, грабивший проезжий люд. Феодал был костью в горле у Мономаха, только недавно возглавившего княжество, но справиться с ним никак не удавалось – тот был слишком хитер и ловок. Илья вступил с ним в бой, взял в плен и доставил в Чернигов. Мономах был настолько доволен, что, вопреки существующим правилам, ввел недавнего смерда в свою дружину. Это вызвало недовольство остальных дружинников, но очень быстро Илья заставил себя уважать.

Он был немногословен, себе на уме, сторонился женщин (потому, видимо, что та пора, когда кровь в мужчине пылает, как огонь, и когда он получает первые уроки любви, совпала у него с болезнью). Ездил Илья на вороном коне, а его

любимым оружием была палица, которой он орудовал легко, словно какой-то былинкой. Использовал он и копье.

Добрыня Никитич, происходивший из небогатого, но знатного рода и женатый на родовитой боярыне Забаве Путьишне, был храбр, прямодушен и прост в общении. Конь у него был белый, а всем видам оружия Добрыня, не мудрствуя, предпочитал меч.

Алеша, сын попа Левонтия, был родом из Ростова. Некоторые считали его трусоватым, но, если бы это было так, он бы никогда не заслужил такого почета. На самом деле Алеша был осторожен. Пожалуй, прав был Илья Муромец, сказавший, что Алеша смел, но не удал. Алеша ездил на кауrom коне и прекрасно стрелял из лука.

Послы

Хотя половцы, воевавшие вместе с Олегом, не подчинялись Тугор-хану и тот принес свои извинения за нанесенный Руси ущерб, Святополк предпочел упрочить союз с половцами и в начале следующего, 1095 года выдал замуж за Тугор-хана свою старшую дочь от первой жены, как раз достигшую брачного возраста. Теперь оба они были женаты на дочерях друг друга.

Положение изменилось: уже Святополк хотел мира с половцами, а Мономах – войны. Своим дружинникам Мономах объяснял это тем, что мир с половцами все равно непрочен, что половцы – исконные враги Руси, что он поклялся отомстить за брата. Но была и другая, возможно, главная причина, о которой князь предпочитал молчать, – его вражда со Святополком. Когда Святополк был за войну, Мономах в пику ему был за мир, теперь же – наоборот.

Тугор-хан тем временем решил извиниться и лично перед Мономахом, у которого ему довелось гостить как-то в Чернигове. Они вместе пировали на свадьбе Святополка и Марджаны, после чего Мономах, радовавшийся тогда миру, предложил Тугор-хану по возвращении в степь захватить к нему. Сейчас Тугор-хан направил к Мономаху своих послов Итляря и Кытана.

Но послы ехали к Мономаху не без опаски, понимая, как

тот должен быть оскорблен. Каждый был со своей дружиной. Подойдя к Переяславлю, Кытан встал возле крепостных валов и попросил у Мономаха в заложники кого-либо из его детей. Мономах скрепя сердце отдал Кытану своего маленького сына Святослава и поклялся не причинять половцам зла. Только после этого Итларь с дружиной вошел в город, а Кытан остался возле валов.

Итларь был принят со всем возможным почетом.

– Не надо извинений, – говорил Мономах. – Я прекрасно понимаю, что земляки твои, поддержавшие Олега Святославича, такие же разбойники, как и его тьмутараканское войско. Великий хан не должен ни отвечать, ни извиняться за них.

Затем разговор перешел на совсем другую тему.

– Слышал я, князь Владимир Всеволодович, – начал Итларь, – что у тебя племянница на выданье.

Речь шла о молодой Анне Ростиславовне.

– Да, – ответил Мономах, – и, поскольку брат мой погиб (замечу, не убит был твоими земляками, а утонул в реке), я ей вместо отца.

– Могу ли я прислать к ней сватов? – вежливо спросил Итларь. – Я человек знатный; безродного наш хан не отправил бы к тебе послом.

– Присылай, и они будут приняты с радушием, – согласился Мономах. – Отчего же не упрочить мир между нашими народами? Если великий князь дважды породнился с ва-

шим ханом, отчего мне не породниться с его верным слугой? Уверен, что и покойный брат меня бы одобрил. Мы всегда были за мир с вами.

Половцы отправились почивать в самом прекрасном расположении духа, уверенные в том, что посольство их удалось на славу.

Дружина Мономаха тем временем не спала и убеждала князя перебить половцев.

– Как я могу сделать это? Я ведь дал им клятву, – возражал Мономах.

– Нет в том греха, княже, – убежденно сказал старший дружинник Ратибор, у которого ночевал Итларь. – Они тоже дают клятву, а потом губят землю Русскую и кровь христианскую проливают.

– Но у них в заложниках мой сын! – воскликнул Мономах.

– Святослава надо выкрасть, – сказал Ратибор. – Только когда он будет в полной безопасности, мы начнем убивать поганых.

Тут к Мономаху неожиданно прибыл дружинник Святополка Славята по какому-то пустячному делу с обычным наказом во всем повиноваться переяславскому князю, и это разрешило сомнения Мономаха. Лучшего подарка ему трудно было придумать. Теперь можно было втянуть Святополка в затеваемую свару.

Мономах послал Славяту и небольшую часть своей дружины выкрасть сына и убить сонного Кытана вместе с его

воинами.

Украсть Святослава оказалось делом нетрудным. Его стражи крепко спали, и дружинники легко подхватили ребенка, глядевшего во тьму грустными глазами. Мальчик, признав своих, не сопротивился. Он не мог только понять, почему отец отдал его половцам.

Оказавшись среди русских, Святослав, не проливший у половцев ни единой слезинки, начал тихо плакать.

– Успокойся, малыш, – сказал Славята, обнимая его, – все уже позади.

Он велел одному из дружинников идти вместе с сыном Мономаха в город, а затем они ринулись убивать половцев. Славята не сомневался, что между Мономахом и его господином существовал тайный договор и что он, Славята, был послан к Мономаху именно за этим.

Кытан и все остальные были убиты – они не успели даже толком понять, что происходит.

А Итларь со своей дружиной, не подозревая об этом, мирно спали на дворе у Ратибора.

В воскресенье, двадцать четвертого февраля, Итларь проснулся необычайно радостным. Ему не терпелось увидеть Анну Ростиславовну, о красоте которой он был наслышан.

Шел час заутрени, но русским было не до церковной службы. Ратибор приказал всем дружинникам и отрокам вооружиться, а затем велел протопить избу.

Тогда же Мономах прислал к Итларю своего отрока Бяндюка, который сказал:

– Князь просит вас позавтракать в теплой избе у Ратибора, а после зовет к себе.

Половцы охотно согласились и вошли в избу, где тут же были заперты.

После этого сын Ратибора Ольбер и еще несколько человек влезли на крышу избы и сделали там дыру. Ольбер взял лук и попал Итларю в самое сердце, сразив посла наповал. По радостному крику Ольбера все, кто не был в избе, поняли, что Итларь убит.

– Ратибор всегда потворствовал своему чаду, – сказал стоявший во дворе Алеша Попович другу Добрыне. – Эх, дали бы мне выстрелить – я бы это сделал не хуже.

– Мало чести в таком выстреле, – отвечал Добрыня. – Добро бы поразить врага в бою.

– Запомню я твои слова, – обещал Алеша, – ох запомню. Он перекрестился, и оба богатыря полезли в окно добивать дружину Итларя.

Несчастный Итларь вошел в русские былины как Идолище Поганое. Его убийство по ошибке приписали Илье Муромцу, который находился тогда в отлучке по княжескому поручению. Просто-напросто Илья был куда известнее Ольбера.

Когда-то Мономах осуждал Святополка за то, что тот за-

пер половецких послов в избе. Теперь же он сам не только запер их, но и убил, что во все времена считалось тяжким преступлением, однако чем не брезговала даже первая на Руси христианка княгиня Ольга (тогда, правда, она еще не была христианкой).

Как только Тугор-хан узнал об убийстве своих послов и о том, что в этом деле участвовал дружинник Святополка, он не замедлил ответить по достоинству. Нет, больше он уже не отправлял на Русь никаких посольств. Он поступил иначе, отправив в Киев пленного русского раба, для пущей убедительности ослепив его и отрубив ему обе руки. Раба сопровождал русский же поводырь. Обоих заставили наизусть заучить послание хана.

В нем говорилось, что, несмотря на двойные родственные связи со Святополком, он разрывает отныне всякие дружественные связи с Русью. Тугор-хан сообщал также, что только отцовская забота о Марджане не позволяет ему отдать юную дочь Святополка на поругание своим воинам.

Святополк, вынужденный теперь войти в союз с Мономахом, готовился к походу против половцев. Оба они направили послание к Олегу, укрывавшему у себя сына Итларя, чудом уцелевшего после бойни в Ратиборовой избе (он бежал через окно). «Или убей его, или отдай его нам, – писал Мономах, составлявший письмо. – Он враг и нам, и всей Русской земле». Олег ничего не ответил, и хотя обычно молчание считается знаком согласия, на этот раз оно явно бы-

ло знаком отказа. Олег отказывался и выдать Итларевича, и участвовать в походе.

Поход в этот год, впрочем, так и не состоялся – из-за распрей между Святополком и Мономахом, которого великий князь справедливо считал главным виновником возникших бед. Себе же Святополк, забывший о совершенных поначалу глупостях, о позоре Треполя и Желани, виделся великим миротворцем, установившим прочный мир с половцами, навсегда разрушенный теперь Мономахом.

Половцы тем временем не дремали. Все лето они осаждали город Юрьев и едва не взяли его. Послам Святополка с трудом удалось уговорить их выпустить жителей из города. Святополк приказал построить город на Витичевском холме, без ложной скромности назвав его Святополчим градом, и расселил там юрьевцев, поскольку покинутый людьми Юрьев половцы сожгли.

Мономах же, раздувший пламя новой войны с половцами, казалось, меньше всего о них думал. По его указанию Мстислав присоединял к его владениям Смоленское и Ростовское княжества – действуя не силой, а убеждением. Впрочем, войско при нем тоже присутствовало. В Муроме Мономах посадил своего сына Изяслава, бывшего до этого князем курским, а Олегова посадника изгнал. Он задумал окружить Черниговскую землю с севера, запада и юга, и только с востока оставалось бы Киевское княжество, но Святополк был сейчас противником Олега.

Святополк смотрел на это неслыханное увеличение Мономаховых владений и сознавал, что ничем не может этому помешать. Воевать с Мономахом в нынешнем положении было бы безумием, воздействовать же на него убеждением великий князь никак не мог.

Мстислав был рад поручению отца, отвлекавшему его от невеселой и несчастливой жизни. Но как раз когда он был в Ростове, из Новгорода пришло тревожное известие. Князь Давыд Святославич, брат Олега, уступавший тому в честолюбивых замыслах, но не уступавший в наглости, вторгся в Новгород и провозгласил себя местным князем. Новгородцы, очень любившие Мстислава, немедленно послали за ним в Ростов. Мстислав, уже закончивший там свои дела, поспешил с возвращением.

Оба войска не уступали друг другу, однако Давыд Святославич, понимая, что новгородцы хотят видеть князем не его, а Мстислава, решил отказаться от Новгорода. Но взамен он требовал себе Смоленск. Усобица, предсказанная императором Алексеем Комниным, уже начиналась, хотя пока лишь разгорались слабые ее угольки.

Мстислав направил послание к отцу. Мономах вынужден был согласиться с требованием князя Давыда. Его план, почти уже удавшийся, терпел крах. С севера Олег оказывался поддержан родным братом.

И в тот же год, двадцать восьмого августа, снова пришла саранча на Русскую землю. Она летела к северным странам,

поедая траву и просо, и видеть это было жутко.

Возвращение Чернигова

В 1096 году стало известно, что Тугор-хан готовит большой поход на Русскую землю. Больше медлить было нельзя, надо было начинать первыми. Святополк и Мономах вновь отправили послание к Олегу, призывая его прибыть в Киев и заключить договор перед епископами, игуменами и городскими людьми, чтобы вместе оборонять Русь от половцев. На этот раз Олег снизошел до ответа. Он высокомерно написал: «Нелепо судить меня епископу, или игумену, или черни».

– Ты же видишь, – говорил Мономах Святополку, – он не променяет дружбу с половцами на союз с нами. И мы не можем начинать поход, покуда не поставим его на место, а то он поддержит половцев.

Олегу было направлено новое послание, где говорилось: «Раз ты не идешь ни на поганых, ни на совет к нам, так, значит, ты дурное задумал против нас и поганым хочешь помочь, – пусть же Бог нас рассудит». Святополк и Мономах решили идти на Олега к Чернигову.

Мономах ликовал. Он не только не допустил пугавшего его союза между Святополком и Олегом, но, напротив, сделал великого князя своим союзником в борьбе против Олега.

Войска обоих князей вторглись в Черниговскую землю. Третьего мая, в субботу, Олег с войском в панике бежал из Чернигова, рассчитывая соединиться с братом. Но Давыд

Святославич не посмел прийти на помощь к Олегу – ведь в войне с тем участвовал сам великий князь, чей авторитет был пока еще весьма высок. Святополк и Мономах преследовали Олега. Тот затворился в Стародубе, где князья-союзники осадили его. Город неоднократно пытались взять приступом, но каждый раз осажденные отбивали атаку. Убитых и раненых с обеих сторон было очень много.

Осада длилась больше тридцати дней. Наконец осажденные изнемогли, и Олег запросил мира. Его допустили к переговорам.

– Ты готов оставить Стародуб и вернуть мне Чернигов вместе со всем моим княжеством? – спросил Мономах, упиваясь победой.

— Готов, – ответил Олег сквозь зубы. – Могу ли я пойти в Смоленск к своему брату?

Это был единственный путь, который ему оставался.

– Можешь, – милостиво согласился Святополк. – Иди к брату своему Давыду, но потом оба приходите в Киев к престолу отцов наших и дедов наших, ибо то старейший город во всей земле нашей. Там достойно нам сойтись и договор заключить.

Олег понимал, что это будет унижительный для него договор, что от него потребуют покаяния и, скорее всего, оставят безземельным князем-изгоем, каким он уже был когда-то. Он не мог даже вернуться в Тьмутаракань, принадлежавшую теперь (его же усилиями) Ромее. Однако он вынужден был

согласиться на все условия и целовал крест, по-прежнему веря в свою судьбу и не забывая уповать на обещанную помощь императора Алексея. Олег уже представлял примерно, что он будет делать.

В тот же день Олег с войском вышел из Стародуба и направился к Смоленску.

Вернув себе Чернигов, Мономах, к удивлению многих, не возвратился туда, а остался княжить в Переяславле. Он чувствовал, что, будучи владельцем пограничного княжества, он неминуемо стяжает себе славу главного защитника Руси от половцев. Важно лишь, чтобы борьба с половцами оказалась достаточно затяжной, а в то, что она может быть короткой, Мономах не верил. И теперь, когда он взял реванш у Олега, все его мысли были о предстоящем походе.

Поход

И все-таки половцы начали военные действия первыми. Однажды в воскресный вечер половчанин Боняк совершил вылазку под самым Киевом и сжег в селе Берестове, где когда-то Владимир Святой держал своих наложниц, княжеский двор. Примерно в это же время, двадцать четвертого мая, Куря, тетка печенежского князя, убийцы Святослава I, сжег неподалеку от Переяславля город Устье.

Но это было только начало. Тридцатого мая сам Тугор-хан с огромным войском осадил Переяславль. Согласно всем правилам тогдашней этики он напал именно на тот город, где были убиты его послы.

Мономах со своей дружиной находился тогда в Киеве, где тщетно дожидался Олега. Он и Святополк немедленно двинулись к Переяславлю. Из Новгорода на помощь к отцу спешил Мстислав – и успел вовремя.

Придя к Зарубу, они перешли реку вброд. Половцы, заметив их, сняли осаду и построились на берегу реки Трубеж, притоком которой была Альта, печально памятная по поражению трех сыновей Ярослава Мудрого от тех же половцев. Из города к русскому войску вышли и присоединились отроки и вооруженные ремесленники, оборонявшие Переяславль. Все они были счастливы видеть своего князя и его дружину.

Русское войско перешло вброд и Трубеж. Мономах хотел выстроить полк, но его не послушались даже собственные воины. Они ударили по коням и ринулись на врага.

Завязалась кровавая схватка. Илья Муромец носился по всему полю со своей огромной палицей, круша черепа врагов направо и налево. Его усы и борода были забрызганы кровью и мозгами половцев, но богатырь не обращал на это никакого внимания. Не уступал ему и Добрыня, рубивший мечом половецкие головы.

Алеша Попович, напротив, спокойно сидел на своем кауrom коне где-то позади, не выпуская из рук лука.

– Что, Попович, страшно? – ехидно спросил его какой-то дружинник. – Не бойсь – бой как вода холодная: чем быстрее в нее нырнешь, тем легче.

Сказав это, он бросился в бой. Алеша же только усмехался. Он верил, что ему, именно ему предстоит совершить главный подвиг в этой битве.

Уже много половцев было убито, но русские тоже несли потери. Были убиты Ратибор, его сын Ольбер и даже отрок Бяндюк, которого Мономах посылал к Итларю. Погиб и Славята, дружинник Святополка. Узнав об этом, Илья, не одобрявший убийство Итларя, решил малость передохнуть и подъехал к Мономаху, тоже в тот момент спешившемуся с коня поодаль от битвы.

Илья сообщил Мономаху печальные новости и добавил: – Вот видишь, княже, карает Господь убийц посла. А ведь

это ты велел им убивать, и ты разжег эту войну.

Илья умел воевать и был жесток в бою, но его крестьянской натуре больше был люб мир.

Мономах ничего не ответил на дерзкие слова Ильи. Он даже назначил его после боя старшим дружинником вместо погибшего Ратибора, но уже тогда между ними наметился раздор, вылившийся потом в крупную ссору.

Между тем половцы, отброшенные было назад, перешли в контрнаступление. Алеша, не сходя с места, сразу оживился. Отступавшие воины спотыкались о его коня и честили Поповича последними словами, он же терпеливо ждал, когда Тугор-хан подъедет ближе. Он не забыл, как, гостя у Мономаха, хмельной Тугор-хан назвал его, Алешу, смердом.

И вот тот показался – еще далеко, но достаточно близко для выстрела. Алеша пустил стрелу и пронзил сердце половецкого хана. Это был гораздо более красивый и меткий выстрел, чем сделанный покойным Ольбером, не говоря уж о значении этого выстрела.

Вот почему в русской былине сказано, что именно Алеша Попович убил Тугарина.

Добрыня, увидев, что произошло, подскакал к мертвому Тугор-хану и одним ударом снес ему голову. Как от надоедливых мух, обороняясь от половцев, пытавшихся защитить тело своего вождя, он привязал его туловище к крупу коня, а голову передал другу Алеше, который воздел ее высоко над собственной головой.

Узнав о гибели хана, половцы обратились в бегство. Неустрашимый Боняк попытался остановить их, однако не сумел.

Русские, поймав кураж, преследовали бежавших врагов. Было убито еще много знатных половцев, в том числе сын Тугор-хана. Но Боняк остался жив.

– Вот она, достойная месть за Стугну и Желань! – воскликнул Мономах, обнимая Мстислава, также славно потрудившегося в этом бою. – И за брата моего Ростислава. Не зря были убиты послы. Прежний мир, – он выразительно посмотрел в сторону Святополка, – был миром трусов, а сегодня мы победили, как герои!

– Но есть еще один человек, – прошептал он на ухо Мстиславу, – которому тоже следует отомстить. И рано или поздно я отмщу ему.

Речь, понятно, шла о его нынешнем союзнике, великом князе Святополке.

Мономах щедро одарил своих воинов, но самый дорогой подарок – золотой кубок – получил убийца Тугор-хана, Алеша Попович.

Насчет останков половецкого хана между Святополком и Мономахом разгорелся спор. Мономах, справедливо считавший себя главным победителем, предлагал бросить тело поганого на растерзание зверям и птицам. Однако Святополк не мог так поступить с останками своего тестя и зятя. Он довез его тело почти до самого Киева и торжественно похоро-

ронил на распустье, между дорогой, ведущей на Берестово, и дорогой, ведущей к местному монастырю.

В великом смятении Святополк вошел в горницу Марджаны. Та сидела и вышивала.

– Как закончилась битва? – спросила она, поднимая глаза от вышивки.

– С Божьей помощью мы победили, – ответил Святополк.

Марджана явно была раздосадована: судя по его лицу, она ожидала совсем другого ответа. Притом ее земляки до сих пор всегда побеждали.

Раздосадован был и Святополк: так, значит, Марджана желала победы половцам. Впрочем, это можно было понять и простить.

– Что случилось с моим отцом? – произнесла Марджана.

– Твой отец убит. Но я не дал бросить его тело на поругание тварям, – продолжал Святополк, – как то предлагал Владимир Мономах. Я похоронил его под Берестовым, и ты сможешь поехать на его могилу.

– А мой брат? – спросила Марджана с поразительным спокойствием и как-то отрешенно.

– Он тоже погиб. Но его тело увезли половцы.

– По крайней мере он будет похоронен в степи, – сказала Марджана все так же отрешенно.

– Пойми, Марджана, – пробормотал Святополк, садясь рядом с ней на ложе, – что я мог сделать? Твой отец сам по-

шел на нас с войной.

– Он пошел с войной на Переяславль, – процедила Марджана, – где по приказу Мономаха подло убили его послов. Зачем тебе было помогать негодяю, который спит и видит, как лишить тебя киевского престола?

– Да, Мономах – негодяй, я согласен, – кивнул Святополк. – Это он разрушил мир, которого я добился. И о замыслах его коварных я знаю. Но я вынужден был вступить с ним в союз. Твой отец обозлился против всей Русской земли. Он не внял моим письмам, в которых я пытался убедить его, что в убийстве его послов я неповинен, что мой дружинник (упокой Господи душу Славяты) был втянут в это дело обманом. Он убивал моих гонцов. Это он толкнул меня на союз с Мономахом.

– Как смеешь ты в чем-то винить моего отца, убитого тобой?! – воскликнула Марджана. – Ты такой же негодяй, как и Мономах. Ведь ты же его союзник, пусть вы и ненавидите друг друга. Если бы ты оставил его одного оборонять свой проклятый Переяславль, мой отец, убедившись в твоей доброй воле, простил бы тебя. Это ты лишил меня отца.

– Клянусь, – перекрестился Святополк, – что не мои воины убили его. Его убил из лука дружинник Мономаха, некто Алеша Попович.

– Не все ли равно? – сказала Марджана.

– Марджана, – ласково произнес Святополк, попытавшись ее обнять, отчего она увернулась, – я понимаю, ты потеряла

отца.

– Не только отца, – с ненавистью в голосе проговорила Марджана. – Он был моим первым мужчиной. Он научил меня любви – не вашей, христианской, а настоящей любви. Он лишил меня невинности так, что мне совсем не было больно. Вы, русские, не способны на это, потому что вы все скоты. Будь ты проклят, Святополк! Я никогда не любила тебя. Я пошла за тебя потому лишь, что мой отец сказал: так нужно для половцев. А ты принес нам великое несчастье.

С этими словами она выбежала из горницы. Великий князь хотел броситься за ней, но усталость, накопившаяся после битвы и утомительного возвращения, словно насильно швырнула его на ложе.

Комкая в руках незаконченную вышивку Марджаны, Святополк созвал слуг, приказав им отыскать и вернуть свою жену. Но никто так и не сумел найти Марджану. Когда позже у берега Днепра был обнаружен ее шейный платок, стали говорить, что Марджана, не пережив смерть отца и брата, утопилась в Днепре. Святополк не хотел в это верить, он приказал продолжать поиски. Однако думать приходилось уже о другом.

Боняк

На следующий день, в пятницу, в первом часу дня к Киеву подошел Боняк. Лишь чудом половцы не вошли в город. Они зажгли предградье, выжгли Стефанов и Германов монастыри, несколько деревень, а затем направились к Киево-Печерской лавре.

Монахи мирно разошлись по своим кельям после заутрени. Половцы поставили перед монастырскими воротами два стяга и произнесли клич. Часть перепуганных монахов бежали через задворки монастыря, другие взобрались на церковные хоры.

Половцы вырубili ворота монастыря и начали высекать двери келий. Из келий они выносили все, что там было ценного. Затем они подошли к церкви и зажгли двери как на северной, так и на южной стороне.

Они ворвались в притвор у гроба старца Феодосия, чьи мощи, перенесенные сюда четыре года назад, чрезвычайно почитались в лавре.

– И они уверяют, что этот старик так хорошо сохранился по воле их Бога, – сказал Боняк. – Да они просто набальзамировали его, как то умеют в Египте.

Он был хорошо образован.

Половцы срывали со стен иконы и разбивали их о землю.

– Где же их Бог?! – воскликнул Боняк. – Что же он не по-

может им? Посмотрите, как даже их Бог покровительствует святотатцам!

Потом он поднял глаза на хоры и крикнул жавшимся друг к другу монахам:

– Передайте князю Святополку, что земляки мои хотели надругаться над его дочерью, а потом разорвать ее на части, но я, милосердный Боняк, спас ее от лютой смерти и от позора, сделав своей рабыней.

Наконец половцы оставили лавру в покое. Напоследок они еще запалили Красный двор, поставленный когда-то Всеволодом на Выдубицком холме.

У Боняка было слишком мало людей, чтобы попытаться взять Киев. Он просто хотел большой ложкой дегтя омрачить русским радость от вчерашней великой победы.

Назавтра митрополит снова проповедовал в Софийском соборе.

– Оскорбляли поганые Бога нашего, – говорил он, – и закон наш. Бог же терпел, ведь не настал еще конец грехам и беззакониям их, а они богохульные слова говорили на святые иконы и разбивали их. Огонь насылают они на нас, а на том свете сами обречены огню вечному. Вышли же они из пустыни Етравской, что между востоком и севером, и было их четыре колена: торкмены, печенеги, торки и половцы...

На этих словах монах, уже как-то ругавший митрополита во время проповеди, прошептал:

– Нет, право же, Боняк вчера говорил куда выразительнее. После чего повернулся и вышел из собора.

Это был Иван Туровский, которому вскоре предстояло стать игуменом Киево-Печерской лавры, потому что прежний игумен после пережитого потрясения тяжело заболел и быстро умер. Именно Иван руководил восстановлением монастыря.

Митрополит же так и не удосужился посетить поруганную половцами лавру.

Киев был погружен в траур, а Переяславль праздновал победу. Но борьба с половцами, как и предполагал Мономах, обещала быть затяжной.

Однако и Мономах не знал, что грядут события, перед которыми это противостояние отойдет на задний план.

Крестный отец и крестный сын

Придя к Давыду в Смоленск, Олег и не подумал идти с ним в Киев. Вместо этого, усилив свою рать воинами, которых предоставил ему брат, Олег двинулся в Муром, где, как уже говорилось, княжил Изяслав, второй сын Мономаха от Гиты, родившийся вскоре после гибели великого князя Изяслава и названный в его память. Изяславу было восемнадцать лет.

Узнав о приближении Олега, Изяслав послал за воинами в Ростов и Суздаль и собрал довольно большое войско. Исполненный юношеского задора, он хотел один победить Олега и потому не послал за помощью к отцу и старшему брату.

Олег направил к Изяславу послов с письмом, где говорилось: «Иди на земли отца своего к Ростову, а это земли отца моего, и здесь сидел мой посадник, коего ты изгнал. Я же хочу, сев здесь, договор заключить с отцом твоим Владимиром Мономахом, что выгнал меня из города отца моего. Неужто моего же хлеба не хочешь мне дать?» Но Изяслав, надеясь на свое войско, отдавать Муром не собирался.

Шестого сентября оба войска сошлись в поле под Муромом. Выстроив свою разношерстную рать, состоявшую из половцев, тьмутараканских разбойников, ушедших с ним черниговцев, а также из смоленцев его брата Давыда, Олег сказал:

– Надеюсь на правду свою, ибо прав я в этом деле. В бой, друзья!

Обе стороны пошли друг на друга. Юный Изяслав, не имевший еще опыта участия в битвах, был убит, а его большое войско, потеряв предводителя, бежало. Многие были взяты в плен. Олег вошел в Муром и был радушно принят его жителями.

Тело Изяслава по требованию Мстислава, первого из родичей, узнавшего о его смерти, доставили в Новгород и погребли в местном соборе святой Софии, на левой стороне. В те же дни Кристина родила первенца, которого Мстислав назвал Изяславом в память о брате, как тот сам когда-то был назван в память о павшем великом князе. Дружинники отговаривали Мстислава, заявляя, что имя это несчастливое, что уже второй князь с таким именем погибает в бою, однако Мстислав был непреклонен.

Олег не унимался и взял Суздаль, второй по значению город Ростовского княжества. Поскольку здесь его приняли уже далеко не так радушно, он арестовал одних, а других изгнал, отобрав имущество. Затем он захватил Ростов, где и обосновался. Во все захваченные города он отправил посадников и начал собирать дань.

Узнав об этом, Мономах начал составлять письмо к Олегу, полный текст которого дошел до наших дней. Письмо было составлено со всем подобающим христианским смирением. Так, Мономах упрекал его за смерть сына и в то же вре-

мя писал: «Дивно ли, если муж пал в бою? Погибали так и лучшие из наших предков». А главное – он признавал право Олега взять Муром, бывший исконной вотчиной Олега отца и отнятый у самого Олега; Мономах осуждал только взятие Ростова и Суздаля. Больше того, он валил княжение в Муроме и изгнание посадника на мертвого сына, якобы подученного злыми слугами. Олег прекрасно понимал, что Изяслав никогда бы не вторгся в Муром без воли отца, но эта кощунственная ложь была Олегу на руку, и оспаривать ее он не собирался.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.